

КРЕСТ

ХРИСТОВ

Умилительные слова о крестных
страданиях Спасителя

Крест Христов

«Автор»

2016

Крест Христов / «Автор», 2016

ISBN 5-98891-091-2

...У евреев, если верить Талмуду, существовало обыкновение, чтобы осужденный на смерть преступник был казнен не сразу после осуждения. Глашатай несколько раз всенародно объявлял его имя, вину, свидетелей преступления и род казни, ему назначенной, вызывая всякого, кто может идти в суд и защищать несчастного. И у римлян был закон, изданный Тиверием, по которому смертная казнь совершалась не раньше, чем через 10 дней после приговора. Но для Иисуса Христа, хотя Он судим был и по римским, и по иудейским законам, ни тот, ни другой обычай не был соблюден. Отсрочка казни простиралась только на обыкновенных преступников, а возмутители общественного спокойствия, враги Моисея и кесаря, каким клевета представила Иисуса, не имели права на эту милость: их казнь тем была законнее, чем скорее совершалась. Итак, Иисус Христос сразу после осуждения был предан воинам, которые у римлян совершали все казни. Первым делом их было снять с Него багряницу и одеть в собственную Его одежду: этого требовал обычай и, может быть, жалость. Молчание евангелистов не позволяет сказать решительно: был снят при этом и терновый венец или оставался на голове Господа до самого снятия Его с креста. Впрочем, древнее обыкновение изображать Иисуса Христа на кресте в терновом венце имеет вид исторического предания. В подтверждение его можно сказать, что распинатели имели достаточно поводов оставить венец на главе Господа, так как, по их представлению о Нем, он был весьма кстати, подтверждая то, о чем говорила надпись.

ISBN 5-98891-091-2

, 2016

© Автор, 2016

Содержание

Святитель Иннокентий Херсонский	6
Распятие	6
Иисус на кресте	12
Митрополит Сурожский Антоний	19
Крестный путь Христов	19
Преподобный Ефрем Сирийский	28
Слово о страданиях Спасителя	28
Святой праведный Алексей Мечев	31
Слово в великую пятницу	31
Святитель Лука (Войно-Ясенецкий)	32
Слово на пасху. Десятое (1951)	32
Слово на пасху. Одиннадцатое (1951)	35
Слово на пасху. Двенадцатое (1951)	37
Святитель Иоанн Златоуст	41
Беседа 87 (Толкование на святого Матфея Евангелиста)	41
Беседа 88 (Толкование на святого Матфея Евангелиста)	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Дмитрий Семеник

Крест Христов

Умилительные слова о крестных страданиях Спасителя

*Для Бога нет времени. Христос и сейчас распят за нас.
Тяжело тебе – посмотри на Крест Христов и познай, что такое
тяжесть.*

*Радостно – взгляни на Крест, которым пришла к тебе радость.
Грешешь – посмотри, в Кого забываешь гвозди.
Делаешь добро – вспомни, Чьё оно на самом деле.
Тебе кажется, что тебя не любят, – взгляни на Любовь,
распятую ради тебя.*

*Не надеешься на исполнение твоей молитвы? Вот Крест, на
котором распялся Бог, чтобы ты знал, что всё получишь.*

*Этим Крестом живём. С надеждой на него умираем. Им
воскреснем!*

Святитель Иннокентий Херсонский

Распятие

...У евреев, если верить Талмуду, существовало обыкновение, чтобы осужденный на смерть преступник был казнен не сразу после осуждения. Глашатай несколько раз всенародно объявлял его имя, вину, свидетелей преступления и род казни, ему назначенной, вызывая всякого, кто может идти в суд и защищать несчастного. И у римлян был закон, изданный Тиверием, по которому смертная казнь совершалась не раньше, чем через 10 дней после приговора. Но для Иисуса Христа, хотя Он судим был и по римским, и по иудейским законам, ни тот, ни другой обычай не был соблюден. Отсрочка казни простиралась только на обыкновенных преступников, а возмутители общественного спокойствия, враги Моисея и кесаря, каким клевета представила Иисуса, не имели права на эту милость: их казнь тем была законнее, чем скорее совершалась. Итак, Иисус Христос сразу после осуждения был предан воинам, которые у римлян совершали все казни. Первым делом их было снять с Него багряницу и одеть в собственную Его одежду: этого требовал обычай и, может быть, жалость. Молчание евангелистов не позволяет сказать решительно: был снят при этом и терновый венец или оставался на голове Господа до самого снятия Его с креста. Впрочем, древнее обыкновение изображать Иисуса Христа на кресте в терновом венце имеет вид исторического предания. В подтверждение его можно сказать, что распинатели имели достаточно поводов оставить венец на главе Господа, так как, по их представлению о Нем, он был весьма кстати, подтверждая то, о чем говорила надпись.

Потом воины, как было принято, возложили на Иисуса Христа крест и повели Его за город, где производились казни. Для такого шествия обыкновенно выбирались главнейшие улицы, и оно с намерением делалось как можно продолжительнее; но теперь ограниченность времени не допускала ни малейшего промедления, ибо до пасхального вечера, который был если не столь свят, как предшествующий, в который сносили пасху, то еще более торжествен

и праздничен, оставалось всего несколько часов. Поскольку по закону распятым нельзя было оставлять на крестах после полуночи, а крестная смерть, как мы видели, была долгой, то распятие Иисуса Христа следовало отложить до другого времени, если бы не было принято в особых случаях прерывать жизнь распятым насильственной смертью. Синедрион, при всем желании продлить как можно более мучения личного врага своего, должен был решиться на это средство: иначе во время праздника пришлось бы опасаться возмущения народного в защиту Иисуса Христа.

Открылось необыкновенное зрелище! Тот, Чьи беседы в храме народ иерусалимский всегда слушал с восторгом, Который, казалось, повелевал всей природой, давая исцеление слепорожденным, изгоняя бесов, воскрешая мертвых, Которому еще за несколько дней оказывалось уважение как потомку Давида, как царю Израилеву, проходил пространными улицами и площадями иерусалимскими посреди двух злодеев, влача за Собой тяжелый крест! Теперь-то особенно должны были исполниться слова, сказанные некогда Иисусом Христом о Своем униженном состоянии: *блажен, кто не соблазнится о Мне* (Мф. 11, 6)!

«Возможно ли (так могли думать многие даже из тех, кто до сих пор надеялся увидеть в Иисусе Христе обетованного пророками Избавителя), возможно ли, чтобы Мессия подвергся такой участи, какой подвержен теперь Иисус? Кто сам не в состоянии избавить себя от поносной казни, тот может ли принести избавление бедному народу иудейскому? Разве не обманываемся мы все, ожидая восстановления царства Израилева, надеясь на пришествие Мессии сильного и могущественного? Но так учили нас отцы наши; так, говорят, писано в законе и пророках. И для чего бы все пророки за несколько веков в таких величественных выражениях предвещали пришествие Мессии, если Мессия будет таким человеком, каким является теперь Иисус, если ему суждено, ничего не сделав для народа, стонущего под игом бедствий, окончить жизнь свою поносной смертью? и какая смерть? Крестная!.. *О, проклят всяк, висящий на древе!* Нет! Что бы кто ни говорил, а это знамение не спасения, а клятвы: верно, Сам Бог нашел что-либо преступное в Этом Человеке».

Так могли думать некоторые. С другой стороны, колеблющаяся вера последователей Иисусовых имела для себя немалую опору. В ком было сердце, чуткое к истине и добродетели, знакомое с высокими чувствами веры и святой любви, тот не мог согласиться с фарисеями и книжниками, выставлявшими Иисуса Христа в виде оболстителя с нечистыми помыслами. «Нет! Он не оболщал нас, когда говорил с такой сладостью о любви к Богу и ближнему, когда раскрывал перед нами святые пути Промысла, взывал нас к подражанию вере и добродетелям наших праотцев; когда сердце наше пламенело тем чистым восторгом, которого никогда не вызывали беседы фарисеев и книжников. Поведение Его совершенно достойно Сына Давидова. Если бы Он искал земной славы, то сколько представлялось Ему случаев действовать силой! Не смирение ли и кротость Его были причиной того, что фарисеи так легко взяли Его? Ему приписали мятеж и измену, но это явная клевета, изобретенная первосвященниками за то, что Он обличал их пороки, от которых мы страдаем. Не сам ли Пилат объявлял Его несколько раз невиновным и во время осуждения назвал праведником? Его осудили на смерть крестную, но Он, слышно, Сам давно предрекал эту смерть, говорил, что Ему от Самого Бога предопределено пострадать для спасения Израиля. Мы, слушая наших (слепых) учителей, не ожидали подобных событий. Но разве нам известна вся судьба Мессии? Кто постиг весь смысл пророчеств, в которых Он изображается и страдающим? Не сами ли книжники противоречат себе, когда описывают лицо Мессии? Притом, еще не все окончится с Его смертью. Он обещал, как слышно, чрез три дня воскреснуть. О, если бы сбылось это обещание!..»

Поступок с Иисусом Христом Ирода, конечно, многим напомнил Иоанна Крестителя, им убитого, а воспоминание всеми уважаемого и любимого Иоанна устраняло соблазн, происходящий от креста Иисуса, ибо все знали, что Иоанн признавал Его Агнцем Божиим, взем-

лющим грехи мира, и так высоко ставил Его, что почитал себя недостойным служить Ему вместо раба (Ин. 1,27)...

За осужденными следовало великое множество народа. Казни среди праздников для набожных иудеев, какими становились в это время весьма многие, были делом неприятным и отвратительным. Но казнь Пророка Галилейского, в Ком многие надеялись увидеть Мессию, невольно привлекала всякого. Между тем, она сделалась теперь известной всему Иерусалиму, вмещавшему во время Пасхи несколько сот тысяч жителей.

С народом Господь не беседовал. Было время для имеющих уши слышать; теперь оставалось имеющим очи видеть. Само несение креста и изнеможение препятствовало Ему говорить, тем более для шумной толпы народа.

Жалостные крики и вопли некоторых женщин вывели однако же Господа из безмолвия. То были не ближайшие ученицы Его, которых мы увидим на Голгофе и которым не могло быть сказано то, что теперь будет сказано, а частью жены иерусалимские, может быть, матери детей, которые пели Ему «осанна», частью – другие из пришедших со всей Иудеи на праздник. Ничто не могло удержать их от слез при виде Иисуса, изнемогающего под тяжестью креста: ни присутствие первейших лиц синедриона, которые пылали ненавистью ко Господу и ко всякому, кто был к Нему привержен, ни опасение прослыть в народе соучастниками в преступлениях, приписанных Пророку Галилейскому, – они открыто предавались всей горести, к какой только способны сердца чуткие и безутешные...

Для Господа, Который обещал не забыть даже чаши студеной воды, поданной во имя Его (Мф. 10, 42), сострадание жен не могло не иметь значения. Но смерть, на которую шел Он, была превыше обыкновенных слез сострадания: надлежало плакать и сокрушаться всем коленам Израилевым, только не о том, о чем плакали жены.

«Дщери иерусалимские! – сказал Господь, обратясь к ним, – не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и о детях ваших».

(Такое дивное запрещение плакать о Нем, когда Он, изнемогая под крестом, шел на очевидную и мучительную смерть, могло быть совершенно понято лишь после Воскресения Иисуса Христа; но совет плакать о себе и о чадах своих и теперь давал понять женам и каждому, какое великое различие между чувствами Иисуса Христа, в таком положении не оставляющего мысли и заботы не только о настоящей, но и о будущей судьбе чад Иерусалима, и бесчувствием первосвященников, которые перед Пилатом с таким безрассудством призывали на своих соотечественников кровь Праведника.)

«Ибо, – продолжал Господь, – приходят дни, в которые скажут: блаженны неплодные, и утробы неродившие, и сосцы непитавшие! тогда начнут говорить горам: падите на нас! и холмам: покройте нас! Ибо если с зеленеющим деревом это делают, то с сухим что будет?» (Лк. 23, 29–31.)

Нельзя было сильнее изобразить бедствий, угрожавших Иерусалиму. Бездетность почиталась у иудеев самым тяжким несчастьем и наказанием Божиим: а потому дойти до того, чтоб завидовать бездетным, значило придти в полное отчаяние. Так выражались и пророки (Ос. 10, 8; Ис. 2, 10–19; Откр. 6, 16), когда от имени Бога Израилева угрожали Израилю за его преступления. Но эта угроза произнесена Сыном Человеческим без всякого чувства личного негодования на неблагодарных соотечественников. Он не говорит, что наступают дни, когда вы, пославшие Меня на казнь, скажете, а говорит просто: скажут, ни мало не касаясь личных врагов Своих. Высочайшее чувство самоотвержения заставляет Его забыть все собственные страдания, и Он запрещает плакать о Себе; но истинное чувство любви к бедному отечеству побуждает не скрывать ужасных зол, его ожидающих, в предостережение тем, которые еще могли внимать истине. Это была последняя проповедь покаяния, которую народ иудейский слышал из уст своего Мессии, произнесенная с самым нежным чувством любви к ближним. Войны, глад, язвы и прочие бедствия, за которыми следовало разрушение

Иерусалима, действительно, должны были обрушиться всей своей тяжестью на беременных женщин и матерей, имеющих грудных младенцев. Так и прежде, изображая ученикам Своим эти бедствия, Господь представил особенно участь жен непраздных: *горе питающим сосцами в те дни* (Лк. 21, 23; Мк. 13, 17; Мф. 24, 19)!

Слова: «*Если с зеленеющим деревом (со Мной) это делают; то с сухим что будет*» (с народом иудейским), – значат много, очень много ужасного для народа иудейского. Но и в этих словах нет никакого личного негодования. Это присловие, непрестанно переходившее из уст в уста; и когда же приличнее было употребить его, как не теперь, для вразумления всех и каждого? Если вожди народа иудейского, первосвященники, фарисеи и книжники сравниваются здесь с сухим деревом (обыкновенный у пророков символ людей нечестивых), то это сравнение еще с большей выразительностью уже звучало из уст Иоанна Крестителя, когда торжественное посольство от лица синедриона спрашивало его, не он ли Мессия (Мф. 3, 10).

В то время, когда Иисус Христос в последний раз предостерегал таким образом Своих соотечественников, слова Его, вероятно, были приняты с любовью немногими. Но во время разрушения Иерусалима, происшедшего спустя несколько лет, самые упорные враги Господа должны были вспомнить их. Нельзя без содрогания читать описания тогдашних бедствий народа иудейского. Состояние матерей было таково, что некоторые из них решались убивать собственных детей для снеди... Тогда скалы и пещеры палестинские, служившие во время войн обыкновенным убежищем иудеев, сделались, как предрекал теперь Господь, гробами для многих тысяч несчастных, которые действительно призывали сами на себя смерть как последнюю отраду.

Когда приблизились к городским воротам, Иисус Христос изнемог до того, что не в силах был далее нести Своего креста и, как говорит древнее предание, преклонился под ним. Человеколюбие ли римского сотника, распорядившегося казнью, или бесчеловечие иудеев, опасавшихся, что жертва их злобы может умереть до казни, были причиной, только воины решились помочь Иисусу и, вопреки обыкновению, возложить Его крест на другого. Провидение не умедлило послать для этого человека, некоего Симона, родом или прозванием Кирийского, который, возвращаясь с села, встретил стражу, ведущую Иисуса, при самом выходе из города. Воины тотчас *захватили* его и *заставили* нести крест Иисусов: поручение тягостное и, при настоящих обстоятельствах, чрезвычайно бесчестное; а поэтому весьма вероятна догадка некоторых, что Симон был из числа последователей Иисуса Христа и при встрече с Ним подал какой-либо знак сострадания, из-за чего воины сами или по совету иудеев решились возложить на него крест. По крайней мере, три евангелиста (Мф. 27, 32; Мк. 15, 21; Лк. 23, 26) не без причины почли нужным передать потомству имя и род человека, который нес крест Господа, и причину эту следует искать в том, что Симон нес крест не по одному принуждению, а с любовью к Распятому на нем; или в том, что он впоследствии совершенно узнал цену креста Иисусова и носил его до конца своей жизни. Св. Марк упоминает еще, что Симон был отцом Александра и Руфа, которые, по крайней мере, во время написания Маркова Евангелия, принадлежали к числу христиан и были всем известны по своим добродетелям: иначе упоминание о них не имело бы никакого смысла. Руф, видимо, есть тот самый, которого ап. Павел в послании к Римлянам (16, 13) называет избранным в Господе и которого память он столько уважал, что мать его именовал своей матерью. Такого семейства был главой Симон, удостоенный Провидением высочайшей и единственной чести – разделить с Господом тяжесть Его собственного креста!..

Чтобы кто-либо, видя Симона, несущего крест, не подумал, что он сам осужден на распятие, воины, возложив на него крест, заставили Иисуса Христа идти прямо впереди него. Новое положение это, являясь некоторым облегчением, в то же время могло служить для врагов Господа поводом к новым клеветам и насмешкам. Казалось, Провидение с намере-

нием соединяло у креста Иисусова все, что могло быть мучительнейшего и более поносного, дабы Началовождь спасения человеческого собственным опытом узнал все...

Между тем как воины ставили и укрепляли кресты, Иисусу Христу дано было, по древнему обычаю, питье, состоящее из вина, смешанного со смирной. Такое смешение, вызывая помрачение рассудка, делало менее мучительными страдания распятых. Судя по тому, что в числе последователей Иисуса Христа было довольно людей весьма богатых и усердных, следовало ожидать, что питье, Ему поднесенное, будет приятно, по крайней мере, не отвратительно: между тем, оно было горько, как желчь, и кисло – как уксус. Обстоятельство это заставляет думать, что напиток готовили враги Иисуса Христа и что мирра и вино взяты были самые плохие.

Не были ли даже добавлены при этом настоящие желчь и уксус? Бесчеловечность врагов Иисусовых делает это возможным, а слова ев. Матфея подтверждают эту мысль (Мф. 27, 34). В таком случае, чтобы понять евангелистов, следует предположить, что одни подносили Господу вино, смешанное со смирной, как то упоминается у ев. Марка, а другие – враги Его – давали Ему пить уксус с желчью, как повествует Матфей. Впрочем, нет особенной нужды допускать, что евангелисты говорят не об одном и том же питье: ибо слово, употребленное св. Матфеем, означает не один уксус, а всякую кислоту, и в частности, вино плохое, окисленное, какое, без сомнения, и давалось преступникам. Равным образом, и желчь означает всякую горечь, особенно смирну, которая у евреев и называлась горечью. А поэтому, говоря словами Феофилакта, уксус с желчью значит то же у св. Матфея, что у св. Марка вино со смирной: ибо и вино могло быть названо уксусом из-за очень кислого вкуса, и мирра – желчью, потому что она весьма горька. Так точно понимал сказания евангелистов в свое время и блж. Августин, основываясь, между прочим, на древнейшем сирийском переводе Евангелия Матфеева, где вместо желчи стоит слово, означающее вообще горечь. Ев. Матфей, заменяя смирну желчью и вино уксусом, без сомнения, имел в виду выражение псалма Давидова (по переводу Семидесяти): *дали мне в пищу желчь, и в жажде моей напоили меня уксусом* (Пс. 68, 22).

Господь принял в руки чашу с питьем, но, отведав, отдал назад. Чаша холодной воды, может быть, была бы Им выпита, потому что продолжительное изнеможение сил, в котором Он находился, вызывало жажду; но питье, притупляющее чувства, было недостойно Того, Кто один за всех пил чашу гнева Божьего. Несмотря на жестокость мучений, ожидавших Его на кресте, Сын Человеческий хотел претерпеть их все в полном сознании. Другого прохлаждающего питья без смирны или не было, или враги Господа не позволили дать.

Первосвященники и старейшины, несмотря на великий день праздника, все находились на Голгофе. Могли опасаться, что без их личного присутствия непостоянный народ изменит отношение к Иисусу Христу; или последователи Его отважатся остановить казнь. Но скорее всего, на Голгофу их привело желание быть свидетелями бесчестия и мучений умирающего Иисуса, отравить последние минуты Его клеветой и насмешками, не позволить хоть немного облегчить Его страдания, видеть образ мыслей собравшегося во множестве народа и сформировать по своему желанию его мнение.

Ах, природа человеческая обнаружилась уже во время суда над Иисусом Христом с такой мрачной и низкой стороны, что от нее, не искажая исторических фактов, можно ожидать теперь всего!..

Приступая к изображению самого распятия и смерти Богочеловека, честно признаемся, что мы с душевным трепетом касаемся этого предмета: надо повествовать о том, что вызывает благоговейное удивление самих ангелов (1 Петр. 1, 12)... Творец видимых и невидимых (Ин. 1,3; Кол. 1,16), Который мог призвать, даже сотворить легионы ангелов (Мф. 26, 53) для исполнения воли Своей, возносится на крест, подобно преступнику, и подвергается ужасным мучениям!.. Единородный Сын Божий оставляется среди мучений смертных Отцом, у Которого Он имел славу, прежде мир не бысть (Ин. 17, 5), с Которым Он есть едино (Ин.

10, 30. 5, 23) по существу и славе! Господь всяческих, имеющий жизнь в Самом Себе (Ин. 5, 26) и дающий бытие всякой твари, истает от жажды, умирает, как последний из сынов человеческих! Это такие понятия, которых никогда не создало бы самое пламенное воображение, если бы они не были преподаны верой; это премудрость Божья тайная, сокровенная, которая, будучи от век предназначена в славу нашу, никем однако ж не была познана, доколе Бог не благоволил открыть ее святым Своим (1 Кор. 2, 7–8). Здесь по необходимости теряется всякое соответствие слова и изображаемого предмета, и повествование, само по себе слабое, становится еще более поверхностным и косноязычным. Сами евангелисты в этом случае изображают Иисуса Христа, так сказать, только по плоти (1 Кор. 2, 7–8), как Он представлялся чувствам зрителей, не раскрывая того, что происходило в Его духе, не изъясняя тайны внутренних страданий Богочеловека. Кто хочет знать эту тайну (а не участвуя в ней живой верой и живой деятельностью, нельзя быть истинным христианином), тот должен обратиться с молитвой к Самому Духу Божьему (1 Кор. 2, 10), Который один предвозвещал Христовы страдания до совершения их (1 Петр. 1, 13), один и возвещает тайну этих страданий после их совершения. Слово Божье объявляет только, что для понимания всей силы страданий Христовых надо сораспяться со Христом и спогребстись Ему (Рим. 6, 4). А один из уразумевших свидетельствует, что после этого разумения весь мир покажется ничем (Флп. 2, 8).

Когда кресты были укреплены в земле, воины, как обычно, сняли с Иисуса Христа всю одежду, взяли пречистое тело Его, приподняли на крест, распростерли руки и начали прибавлять их к дереву гвоздями. Потоки крови полились на землю...

Вместо стонов и воплей, обыкновенных и неизбежных в таком случае, из уст распинаемого Господа послышалось другое: в ту минуту, когда, по всей вероятности, ожесточенные враги Его со злобной радостью впились взором в Его лицо, ожидая видеть выражение муки, Господь кротко возвел очи к небу и сказал: *«Отче! прости им, ибо не знают, что делают»*.

Таково послушание даже до смерти, и смерти крестной! Того, Который предал Его в руки врагов, попустил осудить на мучения и смерть, Божественный Страдалец называет Своим Отцом, точно так же, как называл Его при гробе Лазаря (Ин. 11, 41) или когда глас с неба при всем народе свидетельствовал о Его Божественном достоинстве (Ин. 12, 28). Заповедав последователям Своим молиться за врагов, Богочеловек подает теперь пример этой высокой молитвы, подает в минуту ужаснейших страданий от врагов Своих. Непосредственно слова этой молитвы, конечно, относились к распинавшим воинам (которые виновны были не тем, что исполняли дело своего звания, но что, подчинившись желанию иудеев, обнаруживали излишнюю жестокость); но по сути своей ходатайственная молитва Господа обнимала собой всех врагов Его: из нее не исключался ни Каиафа, ни Пилат, ни Ирод. Ибо все они, по своей злобе или по лукавству, действительно не знали сами, что делали. «Ибо если бы знали, – говорит св. Павел, – то не распяли бы Господа славы» (1 Кор. 2, 6–8).

Впрочем, это не значит, что не было виновных в смерти Господа. Кто бы не смог понять, если бы захотел, того, что понял и с такой силой исповедал даже отчаянный Иуда? Поэтому-то и Господь говорит: «Прости им!» Без молитвы Господа, может быть, природа не перенесла бы поругания Творцу своему и враги Его, подобно врагам Моисея и Аарона (Числ. 16, 32), были бы поглощены землей, которая с трепетом держала на себе Его крест.

Иисус на кресте

После Иисуса Христа распяли и двух преступников, одного по правую, а другого по левую сторону. Такое положение было выбрано специально, чтобы Святой Святых и на кресте представился как бы преступнейшим из злодеев. Дьявол, по замечанию св. Златоуста, хотел через это помрачить славу Господа: но, сам не зная, увеличил ее, потому что через это исполнилось одно из пророчеств о том, что Иисус Христос будет *к злодеям причтен* (Ис. 53, 12).

После совершения казни над главами распятых, по обыкновению, прибиты были выбеленные дощечки, на которых изображалось их имя и преступление. В надписях разбойников не было никакого отступления от обыкновенной формы. Но над главой Господа вместо изъяснения вины, сверх чаяния, увидели следующие двусмысленные слова: «Иисус Назорян, царь Иудейский» (Ин. 19, 19). Притом надпись эта была не только на латинском или ином языке, как обыкновенно делалось, а на всех основных для того времени языках, то есть латинском, греческом и иудейском. Так было сделано с особенным намерением по приказанию самого Пилата. Надпись составляла то же самое обвинение, по которому Иисус Христос был осужден на смерть: присвоение достоинства царя Иудейского; только оставалось нерешенным: законно или незаконно присваивал Он Себе это достоинство, признали Его иудеи своим царем или не признали? Судя по надписи, каждый скорее мог подумать, что это действительно царь Иудейский, которого подданные не смогли защитить от римлян или который изменнически оставлен ими. Три языка для надписи были использованы Пилатом, потому что чужестранцы и многие из иудеев, пришедших на праздник из отдаленных стран, плохо знали еврейский язык. Притом, такая торжественность еще более позволяла думать, что Распятый есть важное политическое лицо, а следовательно, подвергала гордый синедрион еще большему осмеянию. «Вот как, могли говорить, поступают с царями иудейскими! Вот какого Мессию ожидают иудеи! Как они безрассудны, слепы!...»

Первосвященники тотчас поняли смысл надписи и поспешили к Пилату с просьбой, чтобы он изменил ее. «Не надо, – говорили они, – писать: царь Иудейский, а написать, как Он говорит: Я царь Иудейский. То есть пусть каждый знает, что мы не признавали Его царем, а Он Сам выдавал Себя за Мессию».

«Что я написал, то написал», – был ответ прокуратора, и первосвященники со стыдом и досадой возвратились на Голгофу, чтобы насытить свое чувство мести...

Разделив одежду, воины оставались у креста в качестве стражи, которая приставлялась к распятым, чтобы тела их не были преждевременно сняты родственниками или знакомыми для погребения; и теперь была тем нужнее, что толпы стекавшегося народа могли устроить беспорядок.

Когда распинали Господа, враги Его, по-видимому, не издевались над Ним. Народ также стоял только и смотрел (Лк. 23, 35). Появление надписи над главой Его послужило как бы знаком к всеобщим насмешкам.

Толпа народа, всегда буйная, читая надпись, кивала головой и кричала: «Уа, тридневный восстановитель храма! Уа, царь Израилев! Что же Ты медлишь спасти Себя? Вот какой Ты Сын Божий, что не можешь сойти с креста» (Мк. 15, 29)!

Первосвященники и старейшины не только не препятствовали черни издеваться над умирающим Господом, но и сами всячески ругали и злословили Его. Насмешки и поругания оставались единственным средством, которое они могли противопоставить хитрости Пилата, хотевшего осмеять их посредством надписи. Между тем, у первосвященников лежало на сердце еще нечто, гораздо важнее надписи, что побуждало их участвовать в самых низких насмешках. Теперь всем сделалось известно, что они – единственная причина столь

ужасной казни для Иисуса и что Пилат долго не хотел осуждать Его. Необходимо было оправдать перед народом свое злодеяние и настроить общественное мнение так, чтобы чужеземные иудеи, собравшиеся со всех уголков на праздник, не разнесли по свету историю, как синедрион из низкого честолюбия предал позорной смерти праведника, едва ли даже не Мессию. Для такой цели поругания и насмешки казались самым лучшим средством: ибо опыт доказывает, что достойнейшие люди теряют авторитет, когда по какой-либо причине подвергаются осмеянию.

Лицемеры, по обыкновению, приняли вид усерднейших служителей Бога Израилева, строжайших ревнителей закона и, обращаясь к народу, говорили:

«Смотрите, других спасал, а Себя не может спасти! Напрасно ли мы уверяли вас, что от Этого Человека нельзя ожидать ничего доброго? Что друг мытарей и грешников рано или поздно займет место посреди злодеев? Что осквернение субботы не останется без небесного отмщения? Нам не верили, думали, что Он свят; вот теперь самое дело показало, мы ли говорили правду или Он! Кто не ожидает Мессии? Мы жизнь свою отдали бы за Его пришествие. Но ужели мы обязаны веровать в Мессию на кресте? И много ли нужно доказательств? Если Он действительно царь Израилев, пусть сойдет сейчас с креста, и мы тотчас же уверуем в Него» (Мк. 15, 32).

«В самом деле, – издевались прочие старейшины, – это совсем не царский престол. Теперь видно, каков Он Сын Божий и каковы Его чудеса. Оставил ли бы Отец собственного Сына в таком положении? Он уповал на Бога, пусть же теперь избавит Его Бог, если Он угоден Ему» (Мф. 27, 39–43; Мк. 15, 29–32; Лк. 23, 35). Последние насмешки суть те же самые, которые Давид в вышеприведенном псалме влагает в уста врагов праведника, им описываемого. Так верно исполнялись пророчества в действиях, даже несознательных, тех самых людей, которые исполняли их. При насмешках, бесстыдно повторяемых самыми властями иудейскими, не удивительно, что и грубые воины, стоявшие на страже, говорили Иисусу Христу: «Если Ты царь Иудейский, то зачем не спасешь Себя?» Такая насмешка в устах римских воинов могла быть плодом только самого слепого подражания. Когда иудей кричал таким образом, то выражение: *царь Израилев, для чего не спасешь Себя* – у него имели смысл и силу, ибо Мессия, по его мнению, должен быть чудотворец, следовательно иметь возможность помогать себе во всех случаях; язычник, напротив, под царем Иудейским подразумевал обыкновенного человека, из чего никак не следовало, чтобы он мог сойти сам с креста. Но грубые воины нимало не заботились о смысле слов своих, бездумно повторяя слышанное от других. Св. Лука упоминает еще (Лк. 23, 36), что воины подносили Иисусу Христу кислое питье, без сомнения, то самое, которым они имели обыкновение утолять свою жажду, находясь под открытым небом в жаркий полдень. Значит, между насмешками они не забывали и сострадания к распятым, которые от мучений еще сильнее их должны были чувствовать жажду: обыкновенное сочетание в грубых людях доброго с худым, человечности со зверством.

Молчания, по крайней мере, можно было ожидать от тех несчастных, которые сами висели на крестах. Но и из них один, по свидетельству евангелистов, злословил Иисуса, требуя, чтобы Он как Мессия спас и Себя, и их. Хотел ли этот несчастный в помрачении рассудка, вызванном смирной, только развеселить себя, участвуя в общих насмешках? Или действительно, по неведению, почитал Иисуса Христа виновным и достойным казни? Или даже гордился тем, что участвовал в возмущении за свободу, и думал низко о Том, Кто, называя Себя Мессией, не произвел никакого переворота? Во всяком случае, видно развращенное сердце, виден грешник, который хочет перейти нераскаянным и в другой мир (Лк. 23, 39–43).

Тем более возвышенный образ мыслей обнаружился в другом распятом. Хула на Иисуса Христа была для него нестерпимее креста. «Ужели в тебе, – сказал он хулившему, –

совершенно нет страха Божьего, что ты издеваешься над тем, что сам терпишь? И мы осуждены праведно, терпим по делам; а Он, Он не сделал никакого зла!»

Слова эти как бы дали ему смелость изъяснить перед Самим Господом чувство веры и уважения, таившееся в его сердце. *«помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое!»*

«Истинно говорю тебе, – отвечал Господь, – ныне же будешь со Мною в раю»...

Торжество злоречия и клеветы не было продолжительным: вскоре после распятия Господа Промысл начал являть, что Он *не даст святому Своему увидеть тления* (Деян. 2, 27). Среди ясного полдня небо вдруг покрылось мраком (Мф. 27, 45; Мк. 15, 33; Лк. 23, 44), как бы во свидетельство, что великое дело тьмы приближалось уже к своей полуночи. Мрак этот походил на солнечное затмение; впрочем несколько не был его следствием, потому что Пасха иудейская всегда совершалась во время полнолуния, когда луна не может находиться между землей и солнцем и вызвать солнечное затмение. По мнению Златоуста, Феофилакта и Евфимия, мрак во время распятия Иисуса Христа происходил от сгущения облаков между землей и солнцем, произведенного сверхъестественной силой.

Ев. Матфей говорит, что *тьма наступила по всей земле*. Хотя выражение это не должно понимать буквально, как справедливо замечено еще древними учителями Церкви, потому что земля у св. писателей часто означает одну какую-либо страну, особенно иудейскую, даже один город; впрочем, нет никакой причины ограничивать помрачения воздуха одной Палестиной. Оно, без сомнения, распространилось, в большей или меньшей степени, так же далеко, как и землетрясение, за ним последовавшее, которое, как видно из современных свидетельств, охватило большую часть Азии, Африки и Европы.

Замечательно, что древние иудейские писатели, которые в своих сочинениях обыкновенно или отвергают или извращают чудеса евангельские, не возражают против повествования о помрачении солнца во время страданий Христовых. Замечательно также, что языческий историк Флегонт, чьи слова приводятся Евсевием, Оригеном и Юлием Африканским, настолько согласен с евангелистами в описании одного необыкновенного помрачения солнца, случившегося в царствование Тиверия, что называет для него тот же самый час (шестой или, по нашему, 3-й пополудни). Вообще надо полагать, что событие это, как и прочие чудеса, за ним последовавшие, были тогда известны всем: иначе Тертуллиан, приводя их в доказательство божественности христианской религии, не ссылался бы перед лицом сената и народа римского на публичные архивы, где хранились описания подобных явлений.

Необыкновенное помрачение воздуха, последовавшее за распятием Господа, должно было закрыть хульные уста врагов Его и произвести на них впечатление самое мрачное. Если они не посчитали этого явления следствием бесчеловечности, проявленной по отношению к Праведнику, то, сообразно господствовавшим понятиям, не могли не видеть в нем предвестия общественных бедствий, тем более печального и ужасного, что оно случилось в день самого светлого праздника. В то время народы вообще верили, что необыкновенные воздушные явления, особенно помрачение солнца, предвещают худое, а иудеи тем более держались этого мнения, так как пророки, предсказывая народные бедствия, нередко соединяли с ними помрачение солнца. Особенно тьма могла просветить многих из иудеев, когда увидели, что, начавшись с распятием Иисуса Христа, она окончилась с Его жизнью; потому что обстоятельство это яснейшим образом показывало, что естественным, по-видимому, событием управляет сила сверхъестественная, Божья, и что свет мира материального померк, потому что на кресте угасал Свет мира духовного.

Для почитателей Иисуса Христа помрачение воздуха и сопровождавшая его тишина в природе были благоприятным случаем приблизиться ко кресту, где в это время сделалось покойнее. Таковы были, по свидетельству евангелистов, все знакомые Господу, в частности, многие жены галилейские, пришедшие на праздник, которые, по замечанию Марка, и когда

Иисус был в Галилее, ходили за Ним (Мк. 15, 41) и помогали Ему от своего имущества (Мф. 27, 55): Саломия, жена Зеведея, мать Иакова и Иоанна (Мк. 15, 40; Мф. 27, 56); Мария Магдалина; Мария, сестра Богоматери, мать Клеопы (Ин. 19, 25), Иакова и Иосии; Иоанн, ученик и друг Иисусов; Мать Господа.

Иосифа, обрученника Богоматери, не было, вероятно, не только на Голгофе, но и на земле. С того самого времени, как Иисус Христос, будучи 12 лет, приходил с родителями Своими в Иерусалим на праздник Пасхи (Лк. 2, 41–51), об Иосифе вовсе не упоминается в Евангелии, хотя при некоторых случаях весьма прилично было упомянуть о нем, если бы он был жив.

Учеников Иисусовых, кроме Иоанна, также не видно у креста: так, по крайней мере, заставляет думать молчание евангелистов. Отсутствие их тем извинительнее, что Сам Господь и Учитель запретил им подвергать себе опасности. У Петра был свой крест: он плакал в уединении...

С Матерью Господа неразлучнее всех был Иоанн: их соединяли и равная скорбь, и равная любовь к Распятому. Ученик по чувству сердца уже занимал место сына для безутешной Матери.

Прочие почитатели Господа все еще оставались в некотором отдалении от креста (Мк. 15, 40), может быть, на одной из возвышенностей, окружавших Голгофу. Но Богоматерь, св. Иоанн, Мария Клеопова и Мария Магдалина, презирая страх и опасность, подошли так близко, что Господь не только мог видеть их, но и говорить с ними (Ин. 19, 25). Ужасный вид для сердца матери, и – такой матери, какова была св. Мария! Оружие, предсказанное Симеоном в минуты Ее радости и величия (Лк. 2, 35), пронзило теперь всю душу Ее. Дружелюбное сердце Иоанново также терзалось печалью. Видя своего возлюбленного Учителя и Друга, висящего на кресте, посреди разбойников, – он невольно должен был вспомнить о своем безрассудном прощении. Теперь ясно было, что он совершенно не знал, чего просил у Иисуса, когда желал занять место по правую Его сторону, и как горька чаша, которую он обещался тогда испить с такой решительностью (Мф. 20, 22).

Впрочем, евангелисты не говорят, чтобы Мать Господа и друзья Его рыдали, подобно женам иерусалимским. Их рыдания возмутили бы последние минуты лица, нежно любимого. Сама горесть их была выше слез: кто может плакать, тот еще не проникнут силой всей скорби, на какую способно сердце человеческое. И для Иисуса Христа взгляд на Мать был новым мучением. Путешествуя постоянно из одной страны в другую для проповеди, Он не мог исполнять обычных обязанностей сына, но все же был надеждой и утешением Своей Матери, даже в земном отношении. Теперь Мария была Матерью уже не Иисуса, всеми любимого, уважаемого, Которого страшился сам синедрион, Который составлял предмет надежд для всего Израиля, а Иисуса, всеми оставленного, поруганного, окончившего жизнь на Голгофе, вместе со злодеями!.. Нужно было преподать какое-нибудь утешение, преподать однако же так, чтобы оно, служа отрадой на всю жизнь, не обрушило теперь на нее насмешек и преследований врагов, многие из которых находились еще у креста. Каких бы ни позволили они себе дерзостей, если бы узнали, что между ними находится Мать Иисуса? Господь не назвал Ее Матерью.

«Жено, – сказал Он Матери, – се, сын Твой». Взгляд на Иоанна объяснил эти слова.

Потом, указывая взором на Мать, сказал Иоанну: *«Се, Мать твоя»* (Ин. 19, 26. 27).

Это значило, что последняя воля Божественного Страдальца состоит в том, чтобы Мать и ученик не разлучались и после Его смерти, как соединились теперь у Его креста; чтобы Иоанн принял на себя обязанность сына, а св. Мария оказывала ему любовь матернюю. Ученик со всей точностью исполнил волю умирающего Учителя и Друга; и с того самого часа, как свидетельствует в своем Евангелии, принял Богоматерь в дом свой, заботился о Ней и до самой кончины Ее, как говорит предание, был Ее любящим сыном. Для

св. Иоанна тем удобнее было принять в свою семью Богоматерь, что дом его был богат и благоустроен. Между тем, ученики Иисусовы, оставив все стяжания, чтобы последовать за Ним, не теряли через это прав собственности и, когда можно было, возвращались в свои дома и занимались хозяйством. И для Саломии, матери Иоанновой, усыновление сына ее Матерью Иисусовой было очень приятно. Ибо хотя она имела предрассудки в рассуждении земного царства Мессии (кто не имел их?) и получила от Иисуса Христа, как мы видели, отказ и упрек за прошение о невозможном (Мф. 20, 20–22), она нисколько не изменила свое отношение к Нему и теперь, забыв об опасности, стояла на Голгофе, чтобы быть свидетельницей последних минут Его.

Усыновление св. Иоанна служит новым доказательством, что св. Иосифа не было уже в живых и что братья Иисусовы, о которых упоминается в Евангелии (Ин. 7, 5), не были Его родными братьями, как думали некоторые еретики.

При снятии со креста и погребении Иисуса о Богоматери евангелисты уже не упоминают, хотя снова говорят о прочих женах. Отсюда заключают, что Богоматерь удалилась с Голгофы еще до смерти Господа, вскоре после того, как последовало усыновление Иоанна. Может быть, Сам Господь дал знак ученику увести Матерь. При всей крепости духа и преданности Ее в волю Промысла, которые достаточно засвидетельствованы присутствием Ее на Голгофе и приближением ко кресту, материнское сердце могло не перенести последней борьбы жизни со смертью, которая предстояла Богочеловеку. С Богоматерью должен был удалиться и Иоанн, присутствие которого для Нее было так нужно. Впрочем, он опять явится на Голгофе и, кажется, перед самой смертью своего Божественного Друга; ибо, описывая в своем Евангелии последние минуты Его, как очевидец, и дополняя в этом отношении прочих евангелистов, он за усыновлением непосредственно повествует о жажде Господа.

Преподавая утешение другим, Господь Сам имел величайшую нужду в утешении. Со времени распятия протекло около трех часов (Мф. 27, 46); боль от ран, тяжесть в голове, томление в сердце, пламень во всех внутренностях усилились до крайней степени. Никогда пророчества не исполнялись с такой силой, как теперь исполнялись на Нем слова св. Давида о Мессии: *«Я пролился, как вода; все кости мои рассыпались; сердце мое сделалось, как воск, растаяло посреди внутренности моей. Сила моя иссохла, как черепок; язык мой прильпнул к гортани моей, и Ты свел меня к персти смертной. Ибо псы окружили меня, скопище злых обступило меня, пронзили руки мои и ноги мои. Можно было бы перечесть все кости мои; а они смотрят и делают из меня зрелище»* (Пс. 21, 15–18).

Божественный Страдалец, вероятно, Сам остановился мыслью на этом пророчестве... Сила уходила вместе с жизнью... Угасающий взор все еще стремился к небу, но оно было мрачно – ни одного луча света, ни одного утешения... Правосудный Отец как будто оставил Сына, страждущего за грехи людей... Мысль эта довершила меру страданий, и без того ужасных: человеческая природа изнемогла...

«Или, Или! – воскликнул Божественный Страдалец, – лама савахфани?» (Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?)

Ответа не было... Он заключался в наших грехах: Господь, по замечанию св. Киприана, для того спросил Отца, чтобы мы спросили самих себя и познали свои грехи. «Ибо, – продолжает священномученик, – для чего оставлен Господь? Дабы нам не быть оставленными Богом; оставлен для искупления нас от грехов и вечной смерти; оставлен для показания величайшей любви к роду человеческому; оставлен для доказательства правосудия и милосердия Божьего, для привлечения нашего сердца к Нему, для примера всем страдальцам».

Это единственное толкование жалобной молитвы Иисуса, которое надо знать и всегда помнить Его последователям. Полный смысл этой молитвы есть и должен быть для нас тайной... Впрочем, в ней не видно никакого сомнения или огорчения. Уже повторение слов:

Боже Мой, Боже Мой, – показывает противное. Видна только жалоба на тяжесть мучений – и внешних, и внутренних, а особенно на видимое как бы затмение Божественного единства Его со Отцом, которое заменяло доселе все утешения, и теперь, нарушившись, составило последний предел внутренних страданий и верх креста; то есть видно такое чувство, которое столь же свойственно человечеству, сколько Божеству прилично бесстрашие.

Молитвенное восклицание Господа для врагов Его послужило новым поводом к насмешкам. Изверги притворились, что не поняли Его слов, и, основываясь на некотором сходстве звучания Или с именем Илии, придали им смысл обращения к этому пророку: «Смотрите, – кричали один другому, – Он зовет Илию на помощь», то есть смотрите, как Он, и умирая, продолжает представляться Мессией: ибо все верили, что Илия вместе с другими пророками должен явиться перед появлением Мессии и быть Его предтечей и слугой; верили также, что этот пророк является иногда, чтобы помочь тем, которые его призывают.

К прочим мучениям Господа присоединялись теперь еще смертельная жажда, следствие большой потери крови, – предвестница в распятых близкой смерти. Изнемогая от этого нового мучения, Божественный Страдалец воскликнул: *«жажду!»*

Жалобный вопль этот, провиденный и предсказанный также пророком (Пс. 69, 22), тронул одного из воинов. Он тотчас окунул в уксус губку, надел ее на иссоповую трость и приложил к устам Иисуса... Сотник не препятствовал человеколюбию подчиненного, будучи готов позволить и более, потому что распятый Праведник час от часу более привлекал его внимание и уважение.

Но враги Иисуса и здесь проявили бесчеловечность. «Оставь Его, – кричали с досадой воину, – Он надеется на Илию; так посмотрим, придет ли Илия снять Его со креста». Даже сам воин, напоивший Иисуса Христа, как бы опасаясь показаться слишком отзывчивым, говорил: «Что за нужда; может быть, Илия замедлит придти».

Вкусив немного прохладительного питья, Господь далее воскликнул громко: *«Совершилось!»* Это был последний предел и судеб Божьих, которые исполнялись теперь над Ходатаем Бога и людей, и самых страданий Его; ибо пречистое тело Его, для которого страдания, по самому совершенству его, были невероятно мучительны, уже готово было разлучиться с душой. Возведя взор к небу, Иисус сказал: «Отче, в руки Твои предаю дух Мой!..» При этих божественных словах глава Его преклонилась (как обыкновенно бывает с умирающими), и Он *предал дух* (Ин. 19, 30; Лк. 23, 46)...

Так окончилась жизнь, равной которой не было и не будет на земле!

Все, сказанное Господом перед Своей смертью показывает, что мысль Его в эти решительные минуты была заключена в слове Божьем. При первой борьбе, которую Он, как второй Адам, должен был выдержать в пустыне в начале служения Своего, слово Божье было для Него единственным щитом против разжженных стрел сатаны (Мф. 4, 1—10). И теперь, в последней борьбе с немощами природы человеческой, с болезнями тела и духа, Господь обращается за утешением к тому же слову Божьему. В нем, как на чертеже Своей жизни и служения, видит настоящее, прошедшее и будущее: видит, что оставалось еще претерпеть для блага человечества, видит, наконец, исполнение всех великих судеб Божьих и как победитель, который истоптал уже точило ярости Божьей (Ис. 63, 2), восклицает: *«Совершилось!»* Нужно ли напоминать о том, как многозначительно это восклицание! Целая история рода человеческого должна служить его изъяснением; но одна только вечность раскроет вполне то, что совершилось теперь на малом холме Голгофском. Ап. Павел говорит, что на кресте расторгнуто рукописание грехов человеческих (Кол. 2, 13. 14): оно расторгнуто в ту самую минуту, когда Господь изрек: *«Совершилось!»*

При всей лютости страданий, при всем унижении, Сын Человеческий до самой последней минуты является с полным сознанием Своего Божественного достоинства и великого предназначения. Последний взор Его устремлен к небу, последний глас Его обращен к

Отцу! Мы видим всемогущего Посланника Божьего, у Которого, как Он Сам сказал, никто не может взять жизни против Его воли (Ин. 10, 18). Поэтому если Он предает ее теперь, то предает Сам, добровольно и только исполнив Свое великое дело, – предает не ангелу смерти, а *Отцу*, Который дал Ему *иметь жизнь в Самом Себе* (Ин. 5, 26)...

Впрочем, мнение, что смерть Богочеловека на кресте ускорена сверхъестественным действием Божественным, чтобы тело Его, которое должно воскреснуть, не подверглось сокрушению голеней, не может быть принято, хотя оно высказано еще древними учителями Церкви и подтверждается, по-видимому, некоторыми обстоятельствами самой истории евангельской (непродолжительным пребыванием Господа на кресте, удивлением Пилата, что Он уже умер, и сотника, что смерть Его наступила вдруг за громкими восклицаниями и проч.). Достойно ли это мнение Божественного Страдальца? Мы видели, как Он решительно отказался от всех сверхъестественных средств для Своей защиты; можно ли после этого думать, что Он воспользовался чем-то сверхъестественным для сокращения Своих страданий? Чтобы внутренний крест Его остался, так сказать, недоконченным? Нет! Кто учил других, что *претерпевший до конца спасется*, Тот Сам, без сомнения, терпел до конца: подвигоположник не может быть ниже подвижников. Вождь спасения нашего явился совершенным через страдания (Евр. 2, 10), поэтому, сокращая страдания, мы как бы сократим Его совершенства.

И не довольно ли естественных причин, которые могли ускорить на кресте смерть Богочеловека? Бичевание одно, как мы заметили, нередко оканчивалось смертью бичуемого. Удивительно ли, что прервалась жизнь Того, Кто, кроме бичевания, претерпел множество других мучений, Кто еще в саду Гефсиманском был изнурен кровавым потом до того, что имел нужду в ангеле укрепляющем, а на пути к Голгофе, под тяжестью креста ослабел настолько, что даже бесчеловечные враги заметили, что жизнь Его в опасности? Если крест иногда не скоро умерщвлял, то надо помнить, кого он не скоро умерщвлял и кто были люди, которых распинали на крестах. Громкие восклицания распятых не только не показывают избытка жизненных сил, но, по замечанию опытных физиологов, являются несомненным признаком наступающей смерти. Распятие вместе с Господом должны были остаться в живых дольше уже потому, что не были подвергнуты бичеванию, да и по некоторым другим причинам.

Митрополит Сурожский Антоний

Крестный путь Христов

Когда мы говорим о крестном пути, мы, большей частью, думаем о том периоде жизни Спасителя, который начинается с Его выходом на проповедь, или чаще – о том периоде, который мы называем Страстной седмицей. Но мне кажется, что надо рассматривать, видеть этот крестный путь Господень гораздо шире. Апостол Петр говорит, что Христос – *Агнец, закланный прежде создания мира*... Еще до того, как Господь державным Своим словом создал мир, Он в Своей премудрости, в Своем извечном знании судеб знал, что случится с этим миром. Он знал, что мир, который Он создает для вечной славы, трагически потеряет свой путь, отпадет от Него и что спасение этого мира будет обусловлено, осуществлено приходом на землю, воплощением Сына Божия, Спасителя нашего Иисуса Христа. Поэтому тайна Креста как бы вписана в самую тайну Святой Троицы. Когда священник начинает всенощную, он, держа кадило в руке, начертывает им крест и произносит слова: *Слава Святей, Единосущней и Животворящей и Нераздельней Троице*; и эти слова, и это движение его руки вписывают крест в самую тайну Святой Троицы. Святая Троица – это тайна Божественной любви; и эта Божественная любовь является одновременно и торжеством, и ликованием, и крестным состраданием со всей тварью. Центр этой тайны Святой Троицы по отношению к нам – распятая любовь.

Протопоп Аввакум в начале своего «Жития», размышляя над сотворением мира, представляет себе, как это совершилось, и говорит о том, как Предвечный Совет происходил. Отец сказал Сыну: «Создадим мир!» и Сын ответил: «Да, Отче!». «Но этот мир, – говорит Отец, – отпадет от своего пути, и для того, чтобы его спасти, Тебе придется стать человеком и умереть». «Да будет так!» – говорит Сын. И Господь создал мир.

Это, конечно, образные слова, но они выражают ту тайну любви Божией, которая не только ликует о создании, не только радуется о красоте, которую Он вписал в Свою тварь, не только дает нам свободу и жизнь и призывает нас быть детьми света и Своего Царства; эти слова открывают нам Бога, Который идет любовью до самого предела, то есть до смерти, и за предел смерти.

Вот где начинается наше созерцание, наше изумление и, может быть, наш ужас перед нашим же существованием и перед тайной нашего сотворения: Бог, который все знал наперед, нас создал, зная, что мы будем искуплены только крестом и смертью Единородного Его Сына. И в ответ на это мы можем отозваться только благоговением, благодарностью, любовью и готовностью все силы – пусть они будут малые, но все без остатка – приложить к тому, чтобы Божия крестная любовь не осталась без ответа, чтобы крестная смерть Спасителя Христа не была нами как бы забыта или отвергнута. Вся жизнь наша, перед лицом этой тайны Агнца Божия, распятого за спасение мира, должна стать и быть одной сплошной благодарностью. А благодарность Богу можно выразить, только следуя тем путем, который ведет нас ко спасению, тем путем, который жизнью и смертью Своей проложил Господь Иисус Христос.

Это первый образ: Агнец Божий, закланный до создания мира. Этот образ Агнца, ягненка, проходит красной нитью через весь Ветхий Завет; на протяжении всего Ветхого Завета Бог ставит нас перед лицом того, что невинный страдает и погибает, потому что есть виновные, чистый погибает, потому что есть нечистота, праведник гибнет, потому что есть несправедность, и Всесвятой Бог должен умереть в плоти человека, потому что есть грех на земле. Это – закон жизни, который определяется, с одной стороны, неисчерпаемой любо-

вью Божией, и с другой стороны – нашей греховностью. С одной стороны, Бог отдает все, с другой стороны, мы, большей частью, все отвергаем или забываем.

И вот распятие Христово, эта смерть Невинного должна нам напомнить о том, что этот страшный закон зависит от нас, и не только по отношению ко Христу, но по отношению друг к другу. По отношению к каждому человеку, к судьбе всей земли человеческий грех, человеческая злоба, неправда, жестокость всегда врезаются в плоть и в душу невинного. Вот первое, о чем нам говорит образ Агнца Божия, закланного до создания мира.

Второе – это само Воплощение. Сын Божий, Которым создан мир, есть творческое Слово и, одновременно, Тот, Кто должен Своей жизнью и смертью искупить этот мир. Он его создал, зная, что будет, и Он вступает в этот мир на смерть. Каждый из нас призывается Богом из небытия во временную, преходящую жизнь, чтобы через нее вырасти в жизнь вечную. Сын Божий из вечности, из области, где нет смерти, нет ограничений, нет страдания, нет греха, нет неправды, вступает доброй Своей волей в мир греха, неправды, ограниченности и смерти для нашего спасения. Мы через временную жизнь вырастаем в вечную. Он из вечности как бы вступает во время и в земные условия, чтобы умереть.

И когда мы вглядываемся в тайну рождественской ночи, мы видим образ того, что есть любовь; видим ее образно, картинно, видим ее в Младенце, лежащем в яслях, Которого Бог и Отец нам отдал, чтобы мы, люди, поступили с Ним, как захотим... Любовь беззащитна, любовь отдает себя до конца, любовь до конца уязвима; и в лице Спасителя, родившегося в Вифлееме, мы видим, что представляет собой и Божественная любовь, и всякая любовь: отдача себя без защиты, готовность на все без сопротивления.

И этому можно научиться, потому что здесь уже область наша, земная. Какова наша любовь? Можем ли мы говорить о любви к самым близким, или к более дальним, или к Богу в таких категориях? Разве мы отдаем себя своему ближнему, даже и самому дорогому, без всякой мысли о том, чтобы сохранить свою «цельность», защитить себя от ран, от боли, от унижения, от разочарования, от измены, от обмана, от всего, что может нас ранить? Неужели наша любовь такая открытая, такая отданная, такая беззащитная, что готова на все, только бы не перестать, не измениться, не поколебаться? Вот о чем нам говорит Воплощение: о любви и о том, какова она. И если такова Божия любовь к нам и если Христос говорит нам: «Я вам дал пример, последуйте ему», – то этот образ мы должны воспринять ответственно.

Дальше мы видим в жизни Спасителя, как Его приносят в храм. Божия Матерь и названный Его отец, Иосиф, приносят Его в храм поставить перед Богом. Что это значит? Что обозначает этот обряд, о чем говорит этот праздник? Если вспомнить Ветхий Завет, то мы увидим, что Богу пришлось подвергнуть египтян одному ужасу за другим, чтобы освободить Израиль из египетского рабства; и предельным ужасом была смерть каждого первенца в Египте. И как бы выкуп за этот ужас Господь дал повеление Моисею: Он потребовал, чтобы каждый первенец мужеского пола, рождаемый от израильской матери, приносился к Нему в храм в жертву; то есть отдавался бы Ему на жизнь и на смерть, отдавался так, чтобы Бог мог решить: берет Он его и принимает Он его как кровавую жертву или отпускает за выкуп. Этим выкупом для более богатых людей был ягненок, а для бедных – два голубя.

Через всю историю Израиля проходит образ: для нашего спасения погибли дети египетские, и в выкуп за них мы приносим наших сыновей – перворожденных, самых дорогих. И Господь в Своей милости не требует от нас смерти этих детей, Он их отпускает с миром жить, но жить они должны уже как собственные Божии дети. В какой-то день в храм приносится особенный ребенок, небывалый ребенок: это Божий Сын, рожденный от Девы Иисус Христос. И Божий Сын, рожденный от Девы, Который через Свою Мать принадлежит к израильскому народу, а по Своему Отцу принадлежит вечности Божественной, этот Ребенок Богом принимается; только на время Бог приемлет в выкуп голубей, на то время, пока не совершит Его собственный Сын все, что Ему положено совершить – дело безгра-

ничной любви. А закончит Он Свою жизнь как кровавая жертва; единственный из первенцев за всю историю израильского народа Он умрет, потому что был принесен в храм как выкуп за Израиль, а также и за младенцев египетских, показывая этим, что Его смерть является спасением не только избранного народа, но всего человечества без остатка. Он умирает за всех и приносится Он за всех.

Здесь, так же как и в Воплощении, как бы одностороннее действие Божие: **Бог** отдает Своего Сына, **Бог** совершает воплощение и **Бог**, во Христе, отдает Себя. Младенец этот пока еще не берет Сам на Себя, в Своей поистине царственной человеческой свободе, той задачи, которую Бог на Него возлагает; здесь Он является агнцем, голубем невинным, приносимой жертвой.

И следующий шаг мы видим в день крещения Господня. Господь Иисус Христос вырос в полную меру Своего человеческого роста, Своей зрелости человеческой; и в этот момент Он, как человек *Иисус Христос*, по словам апостола Павла (Рим. 5, 15), берет на Себя все, что возложил на Него Бог в воплощении и в тайне Сретения, все, что Он принял на Себя в Извечном Совете по Своему Божеству. Он приходит на Иордан. И значительны, знаменательны слова, которые провозглашает Иоанн Креститель: «Вот Агнец Божий, Который берет на Себя весь грех мира, Который на Свои плечи берет мир с его грехом, со всеми последствиями этого греха»... И Христос требует крещения. Иоанн справедливо говорит: «Зачем? Как мне, человеку грешному, крестить Тебя, Бога воплощенного?» Зачем Ему креститься? Крещение Иоанново было крещением покаяния за грехи, но нет греха во Христе. Что же происходит? Происходит, может быть, то, что описывается в одной проповеди на Крещение Господне: воды иорданские омыли грехи десятков, сотен, может быть, тысяч людей, которые с покаянием пришли к Иоанну; эти воды отяжелели человеческим грехом. Они омыли греховность и из простых, земных вод стали как бы мертвой водой, где грех человеческий убил всякую возможность жизни; они стали водами способными, омыв грех, возложить его на Безгрешного, приобщить Его не к греху, а к смерти, которую за собой приносит грех. И Христос погружается в эти воды. Он, безгрешный, бессмертный, погружается в эти воды смерти и восстает из них, как бы облеченный в смертность погибшего человечества, в смертность, которая является следствием греха. Воды смерти... Но эти воды, к которым прикоснулось Его Божественное тело, теперь несут в себе не смерть, а жизнь. Эти воды иорданские приобрели как бы новое значение; и когда мы освящаем воду в крещенский праздник, или при крещении детей, или при любом случае, мы просим, чтобы им было дано приобщиться тайне Иордана. Простые воды прикоснулись к телу воплощенного Бога, и очистились, освятились, это уже не простые воды, а воды, носящие в себе жизнь, способные приобщить других к той жизни, которая ключом была во Христе.

И выходит из этих страшных вод иорданских Христос как бы облеченный в смерть. Проповедь, которую я упомянул, сравнивает эту тайну с погружением белой материи в краску красильщика. Погружается незапятнанная белизна, а выносится материя кровавого или черного цвета: кровь или смерть. Из древности, из греческой мифологии мы знаем образ, который уже говорил об этом. Это рассказ о Геркулесе, человеке небывалой силы, который творил только добро вокруг себя, уничтожал зло, и в этой борьбе со злом насмерть ранил кентавра. Кентавр, в котором зло било ключом, погрузил в свою кровь одежду и послал ее Геркулесу в подарок. И когда Геркулес надел эту хламиду, она прилипла к его плоти, стала жечь его, и он начал рвать ее с себя, но сорвать ее он мог только ценой собственной смерти. Так и Христос может освободиться от смертности, от последствий нашего греха, которые Он воспринял в крещении, только Своей смертью.

Вот путь Христов; но этот путь говорит нам и о нас самих, ибо это **наш** грех; грех всего человечества, но и каждого из нас, потому что грех земли сплетается из мелких и из крупных грехов каждого человека. Наш грех, мой, твой, ее, его грех ложится на Христа, как

эта смертоносная хламида, как эта смертность, которая собирается со всего Иордана, чтобы осталась в нем только спасительная чистота. Как мы отзовемся на это? Бог отдал Своего Сына на смерть, невинного, беззащитного; и этот Сын человеческой и Божественной любви свободной волей на Себя принимает все, что Бог на Него возложил. Как мы отзовемся на **такую** любовь, на Божественную любовь и на человеческую любовь Христа? Как бы мы отозвались, если бы кто-либо из наших близких, друзей или кто-то нам совершенно чужой свободно, без принуждения отдал свою жизнь для того, чтобы вырвать нас из смерти? Апостол Павел дивится этому и говорит: Едва ли кто отдаст жизнь за своего друга, а Христос отдал свою жизнь за нас, когда мы были Ему врагами, когда мы служили, поклонялись греху, когда мы любили грех больше правды, больше Него... Как мы отзовемся на это? Неужели у нас не хватит ни сердца, ни воображения, чтобы понять, что это значит? Неужели, если бы кто-нибудь из нас принял смерть за другого, это было бы более убедительно, чем то, что мы знаем о Христе? Неужели человек, который бросается в огонь для того, чтобы спасти другого человека, и погибает, поступает более убедительно, чем Христос? Нельзя отговариваться тем, что Христос был Богом; Он живет и умирает в Своем человечестве, а не в Божестве. Так же как каждый из нас может отдать свою жизнь или отказать в ней ближнему, Он был свободен как человек сказать: «Возложенное на меня Отцом Я не могу принять в плоти Моей человеческой!» Он все знал, Он знал, что будет, — и Он это принял.

Вот над чем нам надо крепко-крепко задуматься, когда мы живем так, как мы живем, а не так, как Господь Своей жизнью и смертью нас молит жить.

* * *

Когда мне за многие последние годы приходилось говорить о страстях Господних, я старался сосредоточивать внимание на Самом Спасителе Христе. Сегодня я хочу говорить больше о тех людях, которые принимали участие в этом последнем, крестном пути Господнем, начиная с Вербного воскресенья.

Когда мы думаем об участниках этой страшной, страдной поры, мы всегда думаем о «них», как бы говоря: «Был я тут, этого бы я не сделал. Я бы все понимал, я бы на все отозвался, ничего бы не испугался, если только я тогда знал бы Христа». Но на самом деле это не так. Если посмотреть на себя честно, то можно себя узнать в каждом из участников этой страшной поры; и не в лице Христа, Божией Матери или тех, которые остались верными хотя бы ненадолго, но в лице тех, которые оставили Его.

И вот сейчас я хочу начать с Вербного воскресенья. Вербное воскресенье — праздник. Мы видим теперь, через две тысячи лет, как Спаситель входит в Иерусалим, как Он окружен приветственными возгласами, криками толпы. Где-то слышится голос и тех, которые хотят заставить эту толпу замолчать, которые Христа не приемлют. Но в основе мы видим вход Господень в Иерусалим как торжество, как момент, когда Он царственно, с миром въезжает в Сион, в Иерусалим, в град. Это, однако, только самая яркая сторона; что же в это время происходило? В это время толпа встречала Христа, ожидая, что Он восстановит Царство Израильское, что Он станет во главе восстания против римлян, обеспечит общественную и политическую свободу, и восстановится то, что когда-то было: независимость. А на самом деле Христос въезжал в град Иерусалимский, как пророки сказали, не на коне, словно победитель, а на осле, указывая этим, что Он приходит с миром, а не с войной, не как грозный царь, а как кроткий Спаситель. И в этом торжестве народа, в этих криках, в этом шуме только Христос знал, что все в Нем ошибаются, включая даже учеников; все думают о земном, не о небесном, и придет момент, когда разочарованные в Нем обратятся против Него с гневом, с яростью, со всей неблагодарностью своей, потому что Он обманул их надежду... Вход Господень в Иерусалим пронизан этой двойственностью. В этом смысле это страшный празд-

ник, потому что в середине этого праздника Спаситель Христос – **один**, совершенно один; приветствуют не Его, приветствуют воображаемого политического вождя. И Он знает, что пройдет немного дней, как вся эта толпа будет кричать: «Распни, распни Его! Он нас обманул, Он обманул мою надежду, Он солгал против моей надежды». Вот одиночество Христа среди этой толпы.

Но где же **мы** в этой толпе? Неужели мы воображаем, что мы единственные понимаем Его пути, что мы всей душой с Ним!? Если бы это было так, то уже давным-давно в наших душах, в наших семьях, в нашей общественной жизни, в наших государствах мы создали бы Царство, которое не от мира сего, – Христово Царство. Наши отношения со Христом, наше отношение ко Христу такое же запятнанное, замаранное, как тогда; Он один. А вместе с этим, у нас Евангелие, у нас опыт двадцати столетий, мы **знаем** то, чего не знали ни евреи, ни язычники того времени о Христе, но все равно как будто не понимаем.

И нам надо опомниться; надо задуматься очень глубоко, очень крепко над тем, что происходит в этом торжестве; не запутаться, а стать в этот момент со Христом и далее идти со Христом.

Дальше разверзается Страстная; нарастающее разочарование тех, которые во Христе хотели видеть того, кем Он не был, и возрастающий с разочарованием гнев: Он их обманул, последняя их надежда разбита, и нарастает желание отомстить Тому, Кто столько сделал и, однако, обманул основную надежду. Он исцелял больных, воскрешал мертвых, проповедовал новую жизнь – это было хорошо; Он как бы готовил людей к тому, что все это Он сделает достоянием Своего народа. Но Он этого не сделал, – распни, распни Его!

Тайная вечеря. Ученики собрались вокруг Спасителя; Он ведет с ними долгую беседу. В Евангелии от Иоанна речь идет только от лица Христа; но можно себе представить, что были паузы, периоды молчания, размышления, вопрос или высказывался, или зарождался в чьем-то уме и сердце, и на него Христос, всеведущий, любящий, отвечал. И вот в этой группе людей происходит ряд событий.

Христос встает и хочет умыть ноги Своим ученикам. Он среди них, как слуга среди своих господ... У них недоумение; а Петр говорит: «Нет! Не умоешь моих ног!...» И Христос ему отвечает: «Если Я твои ноги не умою, то у тебя не будет части со Мною...» С каким смирением нам надо принимать Божии услуги. Мы ведь постоянно молимся Богу: «Господи, помоги! Господи, сотвори! Господи – дай!» Разве это не то же самое, что сказать: «Господи, умой мои ноги!» Мы считаем это молитвенным дерзновением, верой; но отдаем ли мы себе отчет в том, что, молясь таким образом, мы часто как бы требуем от Христа, чтобы Он стал слугой, – слугой наших реальных нужд или мимолетных желаний: «встань из-за стола, сними верхнюю одежду, препоясайся полотенцем, налей воды в таз, умой мои ноги, – я устал, мне что-то нужно, я чего-то хочу». Можно задуматься над этим.

Среди учеников и Иуда; ему тоже умывает Господь ноги; Он без разбора умывает ноги ученикам; Он все об Иуде знает, но Он и к нему относится, как слуга к своему господину, потому что Он пришел **и его** спасти, если только Иуда даст, позволит спасти себя.

И тут, когда Христос говорит о том, что придет волк и рассеет овец, что все Его скоро оставят, Петр бахваляется: «Если и все Тебя оставят, я не оставлю Тебя!» И что? Через несколько часов он не только заснет во время страшной Гефсиманской ночи, но позже отречется от Христа, чтобы спасти себя от возможной опасности, со страху. Другие ученики тоже чувствуют, что они за Христа и на плаху пойдут, – но все Его оставят... Легко нам дивиться этому, но не то же ли самое мы делаем постоянно: нам стыдно называться Христовыми, нам стыдно сказать, что мы православные, нам стыдно поступать наперекор течению, нам боязно. Только в храме, только когда мы между собой, мы вдруг делаемся смелыми – но не перед лицом даже мнимой опасности, даже насмешки, даже пожимания плечами...

Иуда уходит, остаются другие ученики; но не легче Христу: Он знает, что сейчас один из Его учеников Его продает, что из-за этого ученика на Него сейчас медленно, но неумолимо надвигается смерть. Но, может быть, еще более тяжело у Него на душе за ученика-предателя... И продолжается эта вечеря, этот пасхальный пир, который для евреев в древнее время был пиром в память освобождения, а здесь делается как бы предсмертной трапезой, которая расцветет в Церкви в Божественную литургию, Евхаристическую встречу, победу.

И ученики уходят вместе со Христом в Гефсиманский сад. Ночь, холод; троих – Петра, Иакова и Иоанна – Спаситель берет с Собой, чтобы они были при Нем, хоть на расстоянии броска камня. Древняя Церковь говорит о Петре, как о примере веры, об Иакове – как образе праведности, об Иоанне – как образе любви. И вот собрались вокруг Него человеческая вера, и праведность, и любовь; и Христос уходит и стоит перед лицом смерти, крестной смерти. А ученикам холодно, настала ночь, ранние, такие утомительные часы ночи; и тоска их гложет, и от тоски все трое засыпают. А в это время Христос стоит пред лицом Своей смерти, которая есть не что иное, как смертность всего человечества, которую в день Крещения Он, как человек, на Себя принял и которую, как Агнец, закланный до создания мира, Он воспринял на Себя. Смерть Ему чужда во всем; как Бог, Он бессмертен; как воплощенный Бог, Он самое тело воплощения сделал бессмертным, и смерть Его – наша смерть, которая Его убивает. Это всечеловеческое убийство. И перед этим ужасом смерти Он молится: «Господи, чтобы прошла эта чаша!». Содрогается плоть, душа Человека, может быть, более страшно, чем душа всякого человека и плоть всякого человека перед смертью.

И Он встает и идет к Своим ученикам в надежде, что встретит человеческий взор, что коснется Его человеческая рука, что хотя Он на каком-то расстоянии от них, но Он не один, – а они спят. Их тоска оказалась сильнее сострадания, любви, всего, что их связывало со Христом. Они спят, Христос снова отброшен в совершенное одиночество. Он снова молится. На этот раз Он сделал шаг к победе; в первый раз Он говорил: «Да мимо идет чаша сия», теперь Он говорит: «Если Мне надо ее пить – пусть будет так». И на этом Он истощил все Свои человеческие силы. И Он идет за помощью. А ученики спят, у них **нет** для Него ни взора, ни слова, ни прикосновения руки – ничего нет. Его снова отталкивают в одиночество. И третий раз Он молится: «Да будет воля Твоя!». И тогда все совершено. Он возвращается к ученикам, и теперь Он их может разбудить, теперь все на Нем – никто не помог.

Из этого мы можем многому научиться. Бывают моменты, когда и нам кажется, что мы если и не перед лицом смерти, то перед лицом какого-то решающего события, решающего поворота жизни, и **так** бы хотелось услышать хоть одно слово, чтобы хоть кто-нибудь взглянул, кто-нибудь прикоснулся к руке, но мы чувствуем, что мы одни и надо все сделать без помощи. И еще – что мы не можем этого сделать враз никакими силами, но мы можем бороться; Гефсиманское бореие – для нас пример того, что с нами может быть. Если мы не можем сказать: «Да будет воля Твоя», – мы можем сказать: «Господи, Господи, пронеси эту чашу мимо меня, если только можно»; эти слова «если только можно» – предел нашей веры, предел нашей готовности принять волю Божию, даже если она такая страшная, такая страшная...

Второй раз мы можем приступить к борьбе; если первые слова – «если только можно» – были правдивыми в нашем сердце, то мы сможем сказать дальше; «Если надо – да, пусть будет; но только если надо! Сказать: «Да будет» – у меня нет сил». Но, если эти слова – «если только надо» – правдивы, у нас найдутся напоследок силы сказать: «Да будет воля Твоя», какова бы она ни была; если даже она обозначает, что самое страшное должно случиться... Но когда мы выходим из этой борьбы, или в промежутках между нашими такими отчаянными воплями – молитвенными или просто криками души, – как мы относимся к тем людям, от которых мы ожидали всю возможную помощь и которые заняты другим, каждый своим? Один спит душой, то есть неспособен даже услышать наш голос; он занят своими мыслями,

своими заботами. А другого сердце заснуло, и то, что мы говорим, до него не доходит: «Да, да, о да, я понимаю...» – ничего не понимает и ничего знать не хочет... У каждого своя тоска, своя усталость, своя озабоченность, – разве есть время на твою?.. И вот Христос не похож на нас в этом; нам горько делается, гневно делается: где же дружба, где же любовь, где товарищество? А Христос ничего подобного им не говорит; Он смотрит, и Ему жалко их. Перед лицом самого великого события мира они ничего не чувствуют, не знают, что вообще что-то происходит; они ушли в себя, в сон, заснули... И так всю жизнь, дремлют и видят сны, и мимо них проходит реальность, да какая реальность: их грядущая смерть, смерть ближних, самого дорогого – смерть Христа. Христос даже не будит их; Ему их жалко: «Спите! Почивайте!» – говорит Господь. Не горьким голосом, как часто это читается вслух, а жалостливо: «Спите, дети! Почивайте, у вас не хватает сил для того, чтобы вместе со Мной один час понести Мою тоску предсмертную...»

А когда все уже совершено, Он им говорит: «Теперь вставайте; тот, кто Меня предает, уже приближается». И вот предатель приходит с толпой, целует Его. Этот поцелуй мы воспринимаем иначе, вероятно, чем он был воспринят тогда. В то время, когда вы хотели обличить человека в преступлении, вы должны были возложить свои руки ему на голову и провозгласить свое обличение. Но если ваше обличение оказалось ложным, вы сами подвергались тому наказанию, которому подвергся бы тот человек, будь ваше показание верным. Иуда не захотел подвергнуться этому риску; он не возложил свои руки на голову Христа, обличая Его в том, что Он богохульник, нарушает закон; он Его поцеловал, чтобы дать знак людям; ему страшно было того, что может случиться, если он ошибся во Христе. Поцелуем он предает Христа. И это он делает, обеспечивая себе безопасность, безнаказанность. И как Христос на это отзывается? Как называет его Спаситель, как обращается Он к нему? – «Друг!» Он ему не говорит: «Отойди, предатель! Ты три года со Мной жизнь делил, ты все видел, что Я сделал, ты был свидетелем всех Моих чудес, ты слышал Мое животворное учение, ты сам дрогнул душой, – а теперь, поцелуем ли меня предаешь?» Он ему сказал «Друг», Он от него не отвернулся, Он его не отверг. Он принял на Себя и предательство. И этим Он все победил. Победить ненависть других, победить оставленность, победить трусость друзей трудно, но можно. Но посмотреть в глаза человеку, который вас предает, и сказать: «Ты мне остаешься другом, я тебя люблю, как всегда, всей жизнью, всей смертью», – это подлинная, последняя победа... И тогда все разбежались. Это уже был не сон; реальность ворвалась в дрему, и эта реальность была такая страшная: Тот, Кого они считали непобедимым, по-видимому, побежден, – остается только спасать свою жизнь. И Петр, который хвалился: «Если и другие Тебя оставят, я Тебя не оставлю», тоже убежал; и все убежали, в сторону хотя бы, – кто дальше, в дом Марка, а кто на какое-то расстояние.

Как мы умеем отнестись к вражде, которая вдруг нас побеждает, и к предательству? Вот вопрос, который ставится нам этим отрывком евангельским. Когда мы окружены враждой, ненавистью, желанием нас размыть и разрушить, каково наше отношение? В нас поднимается гнев, ответная ненависть; не так во Христе! И когда мы видим, что мы преданы – с каким негодованием, ненавистью, презрением мы глядим на предателя, как мы стараемся его унижить, оскорбить! Не так поступает Христос, а значит, не так должны и мы поступать. Пока мы в себе не победили самую способность ненавидеть врага, того, кто нам опасен, кто может разбить нашу жизнь, пока мы не победили наше отношение к предателю, мы еще не Христовы до конца; сколько-то Христовы, но не до конца.

И дальше ведут Христа к Каиафе. За Ним издали идут два ученика; их пускают во двор, почему? Не потому, что они Христовы ученики, которые пришли свидетельствовать в Его пользу, а потому, что Иоанн – друг дома, того дома, где сейчас будут бить Христа по лицу, плевать, будут на Него клеветать, в котором Его засудят благодаря лжесвидетелям и против самого закона еврейского, вопреки всему, всякой правде. Иоанн, как друг этого дома,

входит во двор, и благодаря ему пускают в этот двор и Петра. И тут трижды Петр отрекается от Спасителя. Когда одна из служанок, прислушиваясь к его говору, говорит: «А ты тоже из Галилеи, значит, ты тоже из Его учеников», Петр отрекается: *Не знаю я Этого Человека!* Неужели такое с нами не случилось в той или другой мере? Неужели нам не случилось как бы скрыться в толпе и не стать рядом с человеком, которого унижают, оскорбляют? Я не говорю о страшных событиях, а о самой обычной человеческой клевете, о самой плоской, подлой сплетне: «Я? Нет, не знаю; да, мы знакомы, но он мне не друг! Мы знакомы – и все». Петр, вышедши со двора, встретил взгляд Христа и заплакал. Если бы нам было дано в моменты такой подлой трусости обернуться и посмотреть в глаза человеку, от которого мы отреклись, может быть, мы бы тоже заплакали? Но мы закрываем глаза, отворачиваемся – только бы не встретить этого взора! Поэтому и покаяние в нас не рождается...

Но не только ученики – действующие лица этих событий; еще и народ, первосвященники, Пилат, Ирод царь, римские воины... Народ – тот самый, который приветствовал Его в день входа в Иерусалим: *Осанна! Красуйся! Благословен грядущий во имя Господне, Царь Израилев!* Он их обманул, только смерть может отомстить за их разочарование: *Распни!* Первосвященники, фарисеи видят в Нем и врага своей веры, и политическую опасность: из-за Него римляне могут поработить всю страну; не только ее оккупировать, но всецело присвоить. Этому нельзя дать случиться, лучше одному человеку умереть, чем всему народу погибнуть!.. Так и мы рассуждаем часто: лучше, чтоб одному человеку был позор, чтобы он все потерял, лишь бы только другие были безопасны... Ирод и Пилат: у них была власть спасти Христа; один был циником, ему все равно было, жив или нет невинный человек; а другой боялся за свою карьеру, за свою судьбу: стоит ли потерять все, что таким трудом нажито, для того, чтобы спасти какого-то человека? «Если тыпустишь Иисуса, Который Себя называет Царем Израиля, ты не друг Кесаря!» – о нет! На это он не пойдет!.. Но и с нами бывает подобное, и с нами бывает, что мы боимся потерять то, что наше, ради спасения другого человека...

И еще: Христа берут в преторию; грубые воины, привыкшие к страданию других людей, привыкшие также и к своему страданию; они хотят позабавиться: закрывают глаза Спасителя, завязывают Ему глаза, ударяют в лицо, спрашивают: «Кто Тебя ударил?». Не так ли бывает с нами? Когда мы хотим сделать что-то недостойное, разве, образно говоря, мы не стараемся завязать глаза Христу? Вернее, в нашем случае, мы закрываем свои глаза, чтобы не видеть, что Христос тут, что Христос все видит, все слышит и что каждым подлым, лживым, недостойным словом или поступком мы даем пощечину Ему, ударяем Его в лицо, насмехаемся над Ним, готовя Его к худшему – к распятию; потому что может так случиться, что Он нам слишком уж будет мешать, и тогда мы Его сбудем, распнем. Не телесно, не физически, но внутри себя...

А затем – шествие с крестом и дивное, поистине дивное, событие: одному человеку дано понести вместе с Ним крест; телесно, физически, понести деревянный крест – но чем-то помочь Христу. Крест – это тяжесть, крест – это орудие смерти, которое человек на себе несет. В нашем случае крест складывается из противоречий нашей воли Божией воле; наперекор кладется перекадина нашей воли. И вот случается нам или нет, когда человек раздавлен этим противоречием, подставить свое плечо? Поддержать главную перекадину воли Божией, чтобы человеку легче было волю Божию понести на плечах?

И плачут по дороге женщины иерусалимские; и Христос на Своем пути к смерти останавливается и жалеет их... А дальше – распятие. Воины пригвождают Его ко кресту; им все равно, кто умирает, их дело – пробить руки и ноги преступнику и поставить крест. А дальше – скучное ожидание: неужели так долго умирать Ему?.. Играют, разговаривают... Это очень трагично; но разве не бывает так же, жутко, ужасно, когда в одной комнате, в той же квартире умирает человек, а родные, друзья сидят в кухне или другой комнате, пьют чай, разго-

варивают, шутят, – нельзя же все время быть такими напряженными. А человек умирает в одиночестве. Или кто-нибудь там сидит, да, – но другие в это время дают себе немножко подышать, дают отдых какой-то: нельзя же с человеком все время умирать! Умирать – его дело, а мы минутами поддержим; а пока – ну, силы собрать; мы же живы!.. Разве это не так?

И вот крест стоит; направо, налево – два разбойника. Один, видя, что и Праведного убивают, отрицает человеческий суд, человеческое право судить даже и разбойника; другой, видя, что и Праведник погибает от человеческой неправды, принимает свою смерть как должное: если Праведник страдает, то, конечно, беззаконник должен пострадать... Один из покоя вырывается даже в последнюю минуту, другой находит путь во внутренний и вечный покой... Как мы относимся сами к этому? Как мы относимся к тому, что с нами бывает порой мучительное, горькое, страшное? Не говорим ли мы Богу, что это несправедливо, что этого не должно бы быть? Понимаем ли мы, что если это с Ним было, то нам нечего говорить о себе?..

В середине этого ужаса – одна точка безмолвия: Христос и два человека – Божия Мать и Иоанн. Божия Мать, Которая Его родила, Которая Его принесла в храм в день Сретения в жертву и Которая теперь видит, что Бог эту жертву принял и что Христос умирает в выкуп за Израиль и за Египет, то есть и за все язычество, за праведность и неправедность, за все, за всех. И Иоанн, любовь которого сильнее страха, крепче веры, не нуждается в надежде, который – просто любовь, соединяющая его со Христом неразрывно.

А вокруг пестрая толпа: враги, которые радуются и смеются над Ним, и та толпа, которая там собралась. Одни мечтают о том, чтобы Христос сошел со креста, и тогда они смогут Ему поверить, тогда они будут знать, что Его учение действительно победит, что можно безопасно быть Христовыми. А другие мечтают, чтобы Христос не сошел со креста, потому что если Он не сойдет, то можно успокоиться; встревоженная Его учением, Его словом душа может спокойно вернуться к земле, приземлиться; Его страшное благовестие о любви без границ, о любви, подобной Божией любви, нереально, и земля победила небо; земля крепкая, солидная, а небо хрупкое – сплошная мечта, как облака. И все ждут смерти Христовой.

Где мы стоим в этой толпе? В той толпе, которая встречает Христа при входе Его в Иерусалим, в той толпе, которая за Ним движется в Гефсиманский сад, во двор архиереев, во дворец Ирода, в судилище Пилата и, наконец, на Голгофу, – где мы, кто мы? Вот вопрос, который мы должны себе ставить в течение всего Великого Поста: где я, кто я? Вот передо мной разверзаются величественные, спасительные Божии дела – **где же я?** Относятся ли они ко мне, или я остаюсь чуждым тому, что происходит?

Преподобный Ефрем Сирин

Слово о страданиях Спасителя

Боюсь говорить и коснуться языком сего страшного сказания о Спасителе, ибо действительно страшно повествовать об этом. Господь наш предан сегодня в руки грешников. Для чего же предается Он, Святой и Безгрешный Владыка? Ибо, ни в чем не согрешив, предан сегодня.

Придите, и узнаем, за что предан Христос Спаситель наш. За нас нечестивых предан Владыка. Кто ж не подивится? Кто не прославит? Рабы согрешили, а Владыка предан, чтобы собственной смертью освободить согрешивших сынов. Сыны погибли и чада тьмы пришли во мраке удержать Солнце, Которое в одно мгновение может попалить всех. Владыка же, видя их дерзость и гневное движение, с кротостью, добровольно предал Себя в руки нечестивых. И беззаконные, связав Пречистого Владыку, надругались над Ним, связавшим крепкого неразрешимыми узами и разрешившим нас от уз греховных. Сплели венец из терний своих, какие принес в плод иудейский виноградник. Ругаясь над Ним, называли царем, плевали беззаконные в лицо Пречистому, от Чьего взора приходят в трепет все небесные силы и чины ангельские. Вот снова сжимают у меня сердце и печаль и слезы, когда представляю себе, что Владыка терпит от рабов такие оскорбления и укоризны, бичевание, оплевывание и оплеухи. Придите, и познаете чрезмерность щедрот, терпение и милосердие сладчайшего Владыки. Был у Него благопотребный раб в раю сладости, и он согрешив предан истязателям. Но Благий, видя, что немощен он духом, умилился к рабу, сжалился над ним и Себя Самого отдал на бичевание за него. Желал бы я умолкнуть по чрезмерному смущению ума и опять убоился, чтобы молчанием своим не уничтожить Спасителю благодать. Впрочем, со страхом говорю вам; ибо трепещут кости мои, когда представляю себе, что общий всех Создатель, Сам Господь наш, предстоит сегодня пред Каиафой, как осужденный, и один из слуг дает ему оплеухи. Трепещет сердце мое, когда помышляю о всем этом. Раб сидит, а Владыка стоит перед ним; исполненный беззаконий произносит суд на Безгрешного. Содрогнулись небеса, в ужас пришли основания мира, в изумлении все ангелы и архангелы, Гавриил и Михаил закрыли лица свои крылами; херувимы скрылись за колесами престола, серафимы ударились крылами друг с другом в этот час, когда слуга дал оплеуху Владыке. И как основания земли выдержали и колебание и трепет в этот час, когда поруган был Владыка? Представляю себе это, и трепещу, и снова прихожу в сокрушение, взирая на долготерпение благого Владыки. Ибо вот содрогаются внутренности мои, когда говорю, что Создатель, по милости сотворивший человека из праха, заушен прахом.

Придем в страх, братья, и не просто будем выслушивать все то, что Спаситель претерпел за нас. Скажи, жалкий слуга, за что заушил ты Владыку? Всякий раб, когда освобождают его от рабства, для приобретения временной свободы принимает заушение; но ты, жалкий, сам неправедно заушил Освободителя всех! Что же ожидал ты получить от Каиафы в награду за сие заушение? Или не слышал, не узнал ни от кого, что Иисус – Небесный Владыка? Оплеуху дал ты Владыке всех и сделался на веки веков рабом рабов, предметом укоризны и омерзения, навсегда осужден мучиться в огне неугасимом. Великое чудо, братия, видеть кротость Христа Царя! Заушенный рабом мудро отвечал Он с кротостью и всяким благочестием. Раб негодует, Владыка терпит; раб гневается, Владыка исполнен благодати. Кто в час гнева сдержит в себе раздражение и смятение? Но Господь наш совершил все это Своею благодатью. Кто же в состоянии будет изобразить долготерпение Твое, Владыка!

Придите, о вожделенные, возлюбленные Христом, приобретшие сокрушение и любовь Спасителю, придите узнать, что совершилось сегодня в Сионе, граде Давидовом, что сделало сегодня возлюбленное и избранное семя Авраамово – Пречистого Владыку предало оно смерти в день сей. Христос Спаситель наш руками беззаконных несправедливо распят на древе крестном. Придем все и с воздыханиями будем обливаться слезами; потому что Господь наш, Царь славы, предан смерти за нас нечестивых. Если кто внезапно слышит о смерти возлюбленного родственника, или также внезапно видит пред очами возлюбленного своего лежащего мертвым, – изменяется в лице и омрачается светлость взора его. Так и ясное солнце, с небесной высоты увидев поругание Владыки на древе крестном, изменилось в лице, удержало лучи своей светлости, не потерпело взирая на поругание Владыки, облеклось печалью и тьмою. Также и Дух Святой, сущий во Отце, узрев Возлюбленного Сына на древе крестном, сверху до низу разорвал завесу – это украшение храма, немедленно удалился в виде голубя. Все твари были в страхе и трепете, когда страдал Спаситель, Небесный Царь. А мы грешные, за которых и предан Единый Бессмертный, все еще остаемся небрежными. Смеемся ежедневно, слыша о страданиях и поругании Спасителя. Роскошествуем каждый день, прилагая все свое попечение об украшении одежд. Солнце на небе, по причине Владычного поругания, во тьму преложило светлость свою, чтобы и мы, видя это, сделались подражателями. За тебя поруган Владыка на кресте, а ты, жалкий, украшаешь непрестанно наряд одежд своих. И не трепещет сердце твое, не ужасается мысль твоя, слыша это. За тебя нечестивого Единый Безгрешный предан смерти, поруганиям, поношению, а ты рассеянно выслушиваешь все это.

И всему словесному стаду надлежит взирая непрестанно на своего Пастыря и всегда любить и чтить Его; потому что за стадо Свое пострадал Он, Бесстрастный и Пречистый; и не одеждami должно величаться тленными, а также не роскошной жизнью, не мирскими яствами, но подвигами и всякой честностью угождать Творцу. Не будем подражателями иудеев: это народ жестокий и непокорный, всегда отвергавший Божии дары и благодеяния. Всевышний Бог, ради Авраама и Завета Своего с ним, с самого начала терпел злонравие народа сего; дал им в пищу манну с неба, а они недостойные вожделевали зловонных снестей – чесноку. Также дал им воду из камня в пустыне; а они за это, распяв на кресте, дали Ему укус. Приложим старание, братие, чтобы не оказаться нам сообщниками иудеев, распявших Владыку, Создателя своего; придем в страх, имея всегда пред глазами страдания Спасителя; будем всегда размышлять о страданиях Его. Ибо за нас пострадал бесстрастный Владыка, за нас распят Единый Безгрешный. Чем воздадим мы за это, братья? Будем же внимательными к себе самим и не станем уничижать страданий Его. Придите все чада Церкви, купленные честной и святой кровью пречистого Владыки. Придите, – будем размышлять о страданиях со слезами и воздыханиями, страхом преисполняясь мысленно, с трепетом приступая к размышлению, говоря самим себе: «За нас нечестивых предан смерти Христос Спаситель наш».

Вникни, брат, что значит слышимое тобою. Безгрешный Бог, Сын Всевышнего, предан за тебя. Отверзи сердце свое, изучи в точности Его страдания и скажи в себе: «Безгрешный Бог сегодня предан, сегодня осмеян; сегодня поруган; сегодня заушен; сегодня терпел бичевание; сегодня носил терновый венец; сегодня распят Небесный Агнец». Да содрогнется сердце твое, да ужаснется душа твоя. Каждый день проливай слезы при таком размышлении о Владычных страданиях. Услаждаются слезы эти, просвещается душа, непрестанно размышляющая о страданиях Христовых. Так всегда размышляя, плачь ежедневно и благодари Господа за страдания, которые претерпел за тебя, чтобы в день пришествия Его слезы твои обратились тебе в похвалу и прославление пред судилищем. Злопостражди и ты, размышляя о страданиях благого Владыки. Претерпи искушения от души. Блажен человек, который пред очами имеет Небесного Владыку и Его страдания, который распял себя самого для

всех страстей и для всего земного и стал подражателем собственного своего Владыки. Вот благоразумие, вот расположение боголюбивых рабов, если всегда бывают они подражателями Владыке в добрых делах. Видишь, человек, Пречистого Владыку, висящего на кресте, и осмеливаешься, бесстыдный, в наслаждении и смехе проводить все время, какое живешь ты на земле! Или не знаешь, жалкий, что распятый Господь потребует ответа за все сии небрежения твои, о которых ты, слыша, нерадишь, и роскошествуя, смеешься, и проводишь время в различных забавах? Придет страшный тот день, когда не перестанешь плакать и зывать в огне от претерпеваемых мучений, и никто не даст тебе ответа, никто не сжалится над твоей душой.

Поклоняюсь Тебе, Владыка, благословляю Тебя, Благий, умоляю Тебя, Святый, припадаю к Тебе, Человеколюбец, и прославляю Тебя, Христе; потому что Ты, Единородный, Владыка всяческих, Единый Безгрешный, за меня недостойного грешника, предан смерти и смерти крестной, чтобы освободить душу грешника от греховных уз. И чем воздам Тебе за это, Владыка? Слава Тебе, Человеколюбец! Слава Тебе, милосердый! Слава Тебе, долготерпеливый! Слава Тебе, прощающий все грехопадения! Слава Тебе, снисшедший спасти души наши! Слава Тебе, воплотившийся во чреве Девы! Слава Тебе, понесший узы! Слава Тебе, принявший бичевания! Слава Тебе, преданный посмеянию! Слава Тебе, распятый! Слава Тебе, погребенный! Слава Тебе, воскресший! Слава Тебе, проповеданный! Слава Тебе, в Которого мы уверовали! Слава Тебе, вознесшийся на небо! Слава Тебе, восседший с великою славою одесную Отца, и паки грядущий со славою Отца и со святыми ангелами судить всякую душу, уничижавшую святыя страдания Твои! В тот трепетный и страшный час, когда подвигнутся небесные Силы, когда пред славою Твоею со страхом и трепетом придут вместе ангелы, архангелы, херувимы и серафимы, когда еще потрясутся основания земли, и ужаснется всякое дыхание от несравнимо великой славы Твоей, – в тот час да покроет меня рука Твоя под крылами Своими, и да избавится душа моя от страшного огня и скрежета зубов, и тьмы кромешной, и вечного плача, чтобы и я, благословляя, мог сказать: Слава Восхотевшему спасти грешника по великим щедротам Своего благоутробия!

Святой праведный Алексей Мечев

Слово в великую пятницу

Какое печальное зрелище пред очами нашими! Спаситель наш во гробе. Во гробе Радость наша, Сокровище нашего сердца. Но как Ты, наша Утеха, мог заключиться в малом этом гробе? Здесь ли место Тебе? Ты, живя на земле, жизнь всем отдавал, а Сам теперь лежишь безжизнен. Ты всем слезы осушал, а теперь Сам Своих возлюбленных повергаешь в слезы о Себе. Тебе ли место здесь? Здесь место нам, смертным, а не Тебе Бессмертному, нам с тленными и греховными телами, нам грешникам, достойно осужденным на смерть, а не Тебе, Святейшему и Безгрешному.

Братие! Восплачем и возрыдаем: это мы своими грехами заключили Безгрешного во узы смерти, это мы, осужденные на смерть, заставили Его снизойти до врат смертных, для нас, которых готов поглотить ад, Он сошел душою во ад, телом предлежа пред нами.

О, Божественная неисчерпаемая и несказанная Любовь! Сладчайший наш Иисусе! До чего Ты возлюбил человека – это ничтожнейшее и неблагодарное создание. Ты за него сделался Сам человеком, чтобы ввести его в общение с Богом, Сам страдал, чтобы избавить его от вечных страданий; Сам умер, чтобы он жил вечно; Сам сошел во ад, чтобы он никогда не был во аде. Всего человек лишился через грех, – и Ты ему все возвращаешь – и как возвращаешь?

Человек лишился блаженства через гордость, непослушание, через желание быть равным Богу, а Ты возвращаешь (его) через послушание Отцу Небесному, через глубочайшее самоуничижение и смирение, через самую поносную и тяжкую смерть, наконец, через нисшествие до бездн адовых. Ты возвратил человеку потерянное, – и вот он теперь стал воистину счастлив и блажен, теперь он опять с Богом, для Бога живет, к Богу стремится, в Боге ищет утешение, с Богом надеется жить и радоваться нескончаемые веки. Кто может описать, оценить всю бездну, все море милостей Божиих, которые излил на нас от Отца Своего наш Бесценный, Дражайший Спаситель, ныне безмолвно лежащий во гробе?

Братие! Восчувствуем все эти милости нашего Спасителя и в благодарности сердца повергнемся телом и душою пред гробом сим, облобызаем язвы Его, за нас претерпенные, руки и ноги Его, за нас пронзенные, облобызаем не устами только, но особенно горячим и любящим сердцем, и будем всю жизнь помнить милости Его и до конца дней возносить благодарение и славословие Ему. О, когда бы и вся жизнь наша была не иным чем, как благовонным кадилом перед Ним. Будем молиться об этом пред Лежащим во гробе сем, и слезную молитву грешника услышит Умерший за грешников. Аминь.

Святитель Лука (Войно-Ясенецкий)

Слово на пассии. Десятое (1951)

Господа нашего Иисуса Христа и Спасителя мира начали бить еще в Гефсиманском саду. Его тогда били по ланитам, Его толкали, Его с побоями влекли в Иерусалим.

Так было положено начало избиению Того, Кто спасал мир.

А продолжение было у первосвященника Каиафы, там, в собрании злейших врагов Христовых, издевались над Ним, били Его, накрыв лицо Его и дерзко спрашивая: *«Прореки нам, кто ударил Тебя»*, и плевали на Него.

Издевательства продолжались всю ночь, били Господа всю ночь, а рано утром повели в преторию к Пилату на суд.

О суде этом несправедном слышали вы в Евангельском чтении, слышали, что Пилат, хотя был убежден в невинности Господа, даже более того, считал Его праведником, тем не менее, уstraшенный криками разъяренной толпы, требовавшей Его распятия, предал Его на бичевание.

И началось нечто ужасающее, ибо надо вам знать, надо представить себе, что такое это страшное римское бичевание. Бич, которым били несчастных, имел короткую рукоятку и целый пучок ремней, туго сплетенных и переплетенных медной проволокой, и в эти бичи по местам были ввязаны куски кости.

Вот этим страшным бичом с размаху, сплеча били Господа Иисуса.

Бичевание было так страшно, что нередко бичуемые умирали от него. При бичевании кровь несчастных лилась ручьем, куски кожи и мышц отрывались.

И это претерпел наш Искупитель от власти диавола, и это претерпел Он за всех нас, окаянных и грешных.

Кончилось страшное бичевание, сняли с Него багряницу, но, вероятно, оставили терновый венец, по которому били палкой, чтобы колючки венца вонзались в святую главу Господа, и крупные капли крови стекали по лицу Его.

Повели, повели его на казнь, повели узкой улицей, ибо все улицы восточных городов узки. Эта улица и доселе носит название, данное ей римскими католиками: *Via Dolorosa* – скорбный путь.

По этому скорбному пути гнали Господа Иисуса, возложив на Него тяжелый крест, ибо осужденный на распятие сам должен был нести до места казни свой страшный крест.

Господь Иисус Христос недолго понес его и упал под тяжестью креста... Его с побоями подняли, опять заставили нести крест, а Он все падал и падал.

Тогда, видя, что Он не может нести крест, остановили некоего Симона Киринаянина, возвращавшегося с поля своего, и ему приказали нести крест Христов.

О, блаженный Симон, знал ли ты, какой крест ты несешь? Конечно, не знал. А теперь знает, ибо за несение креста Христова он, я не сомневаюсь, удостоен Царствия Божия.

Господа Иисуса Христа сопровождала огромная толпа людей, ибо были дни Пасхи, а в эти дни в Иерусалиме скоплялось огромное множество народа, пришедшего на праздник. Собиралось около ста тысяч людей.

Огромная толпа шла вслед за Господом Иисусом. Там были мужчины, там были и женщины. И те, и другие по-разному относились к тому, что видели, к тому, как терзали и мучили Господа Иисуса. Женщины плакали, плакали горькими слезами, они рыдали. рыдали, ибо сердца их были мягки и чувствительны. Не могли они видеть таких страданий, такого пору-

гания Безгрешного. А Господь, увидев их и услышав их плач, отверз уста Свои, долго молчавшие, и сказал им:

Дщери Иерусалимские! Не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и о детях ваших. Ибо приходят дни, в которые скажут: блаженны неплодные и утробы неродившие, и сосцы непитавшие. Тогда начнут говорить горам: падите на нас, и холмам: покройте нас. Ибо если с зеленеющим деревом это делают; то с сухим что будет? (Лк. 23, 28–31).

С зеленеющим деревом, полным жизни, с Носителем жизни, с Подателем ее так поступили, что же будет с сухим деревом народа еврейского, отвергшего Мессию, предавшего Его такой ужасной, такой невообразимо мучительной казни, что будет с ним?

Мы знаем, что было с ним, мы знаем, как сбылись эти пророческие страшные слова Христовы над Иерусалимом. Мы знаем, как пришли римские полководцы Веспасиан, а потом Тит и разрушили до основания весь Иерусалим и храм Иерусалимский.

Читаем у современного Христу иудейского историка Иосифа Флавия, какие неописываемые ужасы тогда происходили, как страшно было наказание народа, распявшего своего Мессию.

Это сбылось, как должно сбыться каждое слово Божие.

Оставим женщин, пусть плачут чистыми слезами. Посмотрим на мужчин, на эту огромную толпу, сопровождающую Иисуса, на тех, которые окружили Его вплотную, когда кончилась узкая улица Via Dolorosa, и вышли на холм Голгофа.

Что это за люди? Что творилось в их душах? Как же, как могли они радоваться тому, что видели? Как могли те самые люди, которые тому назад всего шесть дней встречали с великой радостью и славой Господа Иисуса при Его входе в Иерусалим криками: «Осанна в вышних!», постилали одежды свои под ноги осла, на котором Он сидел, – как могли они, эти самые люди дико вопить у Пилата: «Распни, распни его!»?

Что это? Как понять странное превращение сердец их, недавно славивших, а теперь с озверением дико требующих распятия?

Попытаюсь своим слабым умом объяснить это.

Всем тем, кто внимательно читает Евангелие, а особенно четвертое Евангелие от Иоанна, должно быть известно, что Господь Своими неслыханными ранее миром словами изумлял и смущал людей. Им должно быть известно, что называл Он Себя хлебом жизни, сшедшим с небес, говорил, что необходимо для спасения, чтобы люди ели Плоть Его и пили Кровь Его.

Эти слова глубоко смущали народ, приводили его в недоумение и во многих вызывали ярость. Когда слышали, что Он называл Себя Сшедшим с небес, хватали камни, чтобы побить Его, считая богохульником.

Эти слова Иисуса так не вмещались в сознание людей, были так несносны и непонятны для них, что даже многие из последователей Его, из учеников Его, всегда ходивших за Ним, отошли от Него, перестали ходить за Ним.

И Господь обратился к ближайшим двенадцати апостолам Своим с вопросом: *Не хотите ли и вы отойти?*

За всех ответил блаженный Петр: *Господи! К кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни* (Ин. 6, 67–68).

Итак, во все время жизни Господа Иисуса Христа на земле умы евреев терзались противоречивыми мыслями: с одной стороны видели они, что это величайший чудотворец, а потом, когда слышали не вмещающиеся в их сознание слова о Божественности Его, хватались за камни, чтобы побить Его, считая эти слова богохульством.

Итак, смятение умов было великое и глубокое.

А народом руководили тогда его религиозные вожди – первосвященники, книжники и фарисеи, которые считались носителями непререкаемой истины, за которыми народ привык идти и без размышления принимал на веру все, что слышал от них.

Умы и сердца евреев терзались, двоились, не зная, чему верить. С одной стороны, видели величайшего чудотворца, Который повелевает морскими волнами, воскрешает мертвых, насытил пять тысяч человек пятью хлебами, Который исцеляет больных.

С другой стороны, слышали злобные, полные ненависти обвинения первосвященниками Господа Иисуса в том, что Он богохульствует и нарушает закон Моисеев.

И вот, пока Господь Иисус Христос был в силе и славе, народ в большинстве своем шел за ним, но когда Он был арестован, избит, осужден на смерть, когда увидели Его потерявшим всю Свою силу, тогда в их сердцах вспыхнуло стадное чувство, подобное тому, которое руководит животными, набрасывающимися на слабое и побежденное и терзающими его всей стаей до смерти. Так и у людей сразу теряется уважение и любовь даже к самому достойному и почтенному человеку, если он подвергается осмеянию и унижению.

Вот что было в сердцах людей, шедших на Голгофу за Иисусом – они поддались дикому стадному чувству: а, Ты побит, Ты побежден! Тебя бьют, так и мы будем гнать Тебя, будем проклинать, и мы будем с первосвященниками и книжниками кричать Тебе: *Спаси Себя Самого; если Ты Сын Божий...* (Мф. 27, 40).

Вот что произошло, вот какую великую власть имели вожди народа израильского над этим народом, всецело поддавшимся тому, чего хотели и требовали эти вожди, поддавшимся даже до требования казни, даже до страшного крика: «Кровь Его на нас и на детях наших».

Вот объяснение, которое только и могу я представить вам.

Итак, совершился неопикуемый ужас: Господа пригвоздили ко кресту, Господь терпел самую лютую, самую страшную из всех казней, какие только могла изобрести злоба человеческая.

Господь терпел эти страшные муки в течение шести часов. Через шесть часов Он испустил Свой дух с возгласом, который не должен никогда забывать мир: *Совершилось!*

Почему так скоро умер Христос?

Мы знаем, что распятые нередко мучились по трое, даже до шести суток, прежде чем умирали.

Почему? Потому что был Он болен. Не только потому, что был Он истерзан бичеванием, не мог Он нести креста Своего.

Он в холодную ночь в Гефсиманском саду, а позже у первосвященников и во дворе претории был простужен и болен.

Нам даже известно, чем Он был болен, но не стану об этом говорить. Поверьте тому, что Он был болен.

Конечно, настал девятый час, и тьма наступила по всей земле. Солнце померкло и скрыло лучи свои. Завеса в храме разорвалась надвое, сверху донизу.

Народ, недавно требовавший Его казни, расходился с Голгофы, низко понуря головы и бия себя в грудь.

Пойдем и мы, опустив низко свои головы, будем и мы помнить, что и за наши грехи, как за грехи всего человечества, претерпел Спаситель эти страшные муки и страдания. Пойдем, понурив головы свои и бия себя в грудь!

Слово на пассии. Одиннадцатое (1951)

Когда взошел Господь и Бог наш Иисус Христос на гору Фаворскую, чтобы там явить Свою Божественную славу, тогда взял Он с Собой трех любимых учеников – Петра, Иакова и Иоанна и пред ними преобразился, и им явил славу Свою.

Пришел час страшных и неописуемых страданий Его, и опять берет Он с Собой тех же трех учеников – Петра, Иакова и Иоанна в сад Гефсиманский, отходит вместе с ними от остальных учеников, велит им бодрствовать и молиться, а Сам отходит от них на бросок камня и начинает Свою мучительную последнюю молитву к Богу.

Если и на этот раз Господь счел нужным взять трех учеников, чтобы были они опять свидетелями Его, то значит – то, что должны они были видеть, слышать и свидетельствовать, было необычайно важно, было не менее велико, чем Его Преображение на горе Фаворской.

Итак, познаем, что борение духовное, которое испытывал Господь наш Иисус Христос, молясь Отцу Своему в саду Гефсиманском, было величайшим и вместе с тем тяжелейшим и страшнейшим из событий жизни Его.

Не думайте, не думайте, что только на кресте, в неописуемых страданиях претерпел Господь Свою страшную муку. Знайте, что Его мука еще более страшная, чем Его страдания на кресте, началась здесь, в Гефсиманском саду, при свете луны.

О, как Он мучился! О, как Он терзался! О, как Он вопиял к Отцу Своему в Гефсиманском саду: *Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем, не как я хочу, но как Ты* (Мф. 26, 39).

Люди дерзкие, может быть, подумают: что за малодушие! Почему просил Он, чтобы пронес Отец чашу страданий мимо Него, если на эти страдания и пришел в мир? Люди дерзкие говорят даже, что и на кресте Господь не испытывал никаких страданий.

Были в ранние времена христианства еретики, докеты, которые учили, что тело Иисусово было не подлинным, а телом призрачным (dokeи – казаться; отсюда и название докетов). Они, конечно, уча столь нечестиво, были уверены, что никаких страданий Господь Иисус Христос не претерпел, ибо не имел подлинного и истинного тела человеческого, а мы знаем, глубоко убеждены, что Он был истинным человеком, как и истинным Богом.

Мы знаем, что телом Своим Он претерпел на кресте неописуемые страдания, ужасные муки.

Мы знаем это. Но не все вникают в то, что переживал в сердце Своем Господь. Не все знают, отчего так мучительна была Его молитва к Богу Отцу. Не все знают, почему кровавый пот капал с лица Его.

А я должен вам это пояснить.

Когда каплет кровавый пот с лица человеческого? Когда молятся люди с кровавыми слезами?

Это не метафора – это действительность, что плачут кровавыми слезами, что пот кровавый каплет. Это бывает тогда, когда муки человеческие достигают такой страшной силы напряжения, что никакие другие мучения не могут сравниться с ними.

Итак, уже из того, что кровавый пот капал с лица Спасителя, познаем мы, как страшны, как потрясающи были Его душевные страдания пред страданиями телесными.

Почему же они были так страшны? Почему так изнывал Христос Бог наш в предвидении Своих страданий крестных?

Подумайте, если бы кому-нибудь из вас пришлось взять на себя грехи ста человек, окружающих вас, и дать за них ответ пред Богом, каким ужасом исполнились бы вы, как давили бы вас тяжестью грехи чужие, за которые вы должны дать ответ Богу.

А разве не знаете вы, что Господь Иисус Христос взял на Себя грехи всего мира, всего человечества? Разве не слышали никогда вы слов великого пророка Исаии: *Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились* (Ис. 53, 5).

Разве не читали написанного в первом послании апостола Петра: *Он грехи наши Сам вознес Телом Своим на древо, дабы мы избавившись от грехов, жили для правды: ранами Его вы исцелились* (1 Петр. 2, 24).

Итак, уже в саду Гефсиманском изнывал и мучился Он под страшной тяжестью грехов всего мира. Его давили несказанно, нестерпимо давили грехи мира, которые взял Он на Себя, за которые жертвой правосудию Божию должен был стать пред Богом, ибо только Он и никто другой мог искупить грехи всего мира.

Вот почему кровавый пот капал с чела Его, вот почему так мучился Он, молясь Отцу Своему: *Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия...* (Мф. 26, 39).

И тотчас Он говорил иначе: *впрочем, не как я хочу, но как Ты*. Он предавал Себя всецело воле Божией, а грехи давили Его, мучили Его, терзали Его, и Он падал в изнеможении под тяжестью этих грехов.

Великий святой блаженный Августин так говорит: «Нигде так не поражает меня величие и святость Иисуса, как здесь. Я не знал бы всей великости Его благодеяний, если бы Он не обнаружил предо мною, чего они стоят Ему».

Мы не знали бы всего величия жертвы Христовой, если бы не знали о том, что пережил Он в страшный час Своей молитвы в саду Гефсиманском.

А ученики Его спали... Что значит, что они спали? Почему спали они? Простое объяснение состоит в том, что были они весьма утомлены полночным походом чрез поток Кедронский, обретались в слабости и, как говорит Евангелие от Луки, были подавлены печалью – от печали спали они.

Но подумаем, не было ли и иных, высших таинственных причин тому, что спали они, не было ли это устроено Богом?

Очень вероятно, что было. Вероятно, Богу было угодно, чтобы они только мельком видели страдания, которые испытывал Иисус в саду Гефсиманском. Вероятно, должна быть скрыта от очей мира вся страшная, бездонная глубина молитвы Иисуса. Вероятно, так...

Но все-таки они были нужны как свидетели, хотя бы и весьма неполные, Гефсиманских страданий души Иисусовой.

Они спали, но, пробуждаясь трижды по слову Иисусову, они, конечно, не тотчас же опять засыпали и при ярком свете полной луны видели, как молился Иисус, слышали страшные слова Его молитвы.

Ибо если не так, откуда узнал бы евангелист о том, что было в саду Гефсиманском, как написал бы то, что читаем, как узнали бы о каплях кровавого пота, капавших с чела Его, как узнали бы слова молитвы Его?

Они нужны были как свидетели: на горе Фаворской были они свидетелями Божественной Его славы, в саду Гефсиманском были свидетелями всей бездны страданий души Его пред тем, как взошел Он на крест.

Итак, запомните, что в саду Гефсиманском совершилась первая и, пожалуй, самая страшная часть страданий Христовых, ибо на кресте Он вел Себя гораздо бодрее.

Преклонимся со страхом и трепетом пред этим безмерным величием страданий Христовых. Припадем ко кресту Христову и воспоем от всего сердца: «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое Воскресение Твое славим!»

Слово на пассии. Двенадцатое (1951)

Пройден тяжкий скорбный путь, кончилась Via Dolorosa.
Пришли на страшную Голгофу, роют яму, погружают в нее крест Иисусов и укрепляют его.

Снимают одежды с Иисуса – все, все одежды снимают...

О, Господи! Что они делают?!

Ангелы, херувимы и серафимы, видевшие это, в ужасе закрывают лица свои крыльями. Как могли бы они видеть наготу Того, Кто несказанной красотой украсил всю сотворенную Им природу, а теперь нагим стоит и ждет страшной казни!

Два воина поднимают Иисуса на крест, два других стали на табуреты и страшными гвоздями прибавляют ко кресту те пречистые руки, прикосновение которых возвращало зрение слепым, мановением которых утихла буря на озере Генисаретском и престал веять ветер.

Прибили воины руки Иисуса.

Прибили и ноги Его гвоздями страшными...

Повисло Божественное тело...

И так страшна, так невыносима была боль при этом!

Как раздирались язвы гвоздинные под тяжестью тела Иисусова!

Казалось бы, должен изойти из груди Его стон – стон мучений... А стоны не было, и вместо стоны слышал мир, что Он молился о распинавших Его: *«Отче! прости им, ибо не знают, что делают»*.

И начались шестичасовые неопишуемые страдания Богочеловека.

Над головой Его на кресте была прибита белая дощечка, на которой черным было написано «Иисус Назарянин, Царь Иудейский».

Так никогда не писали о распятых: так написал Пилат, чтобы излить свою злобу на книжников и первосвященников, предавших ему Иисуса.

Он знал, что праведен и невинен Тот, кто предан ему.

Он не хотел распять Иисуса, он всеми силами старался спасти Его, но когда услышал провокационные слова: «Если тыпустишь Его, ты не друг кесарю», тогда опустили руки его, тогда не смел он более противиться иудеям, но свое раздражение на них он излил в этой записи на кресте, ибо надпись эта обличала иудеев, распявших Христа.

Было написано, что распяли они своего царя, и это читали иудеи, во множестве сошедшие на праздник со всех концов тогдашнего света. Они не знали, что было до суда и на суде, они читали и думали: «О вы, кого вы распяли!? Царя нашего распяли!»

Книжники и фарисеи волновались: как можно, чтобы такую надпись читали все!

Побежали к Пилату и просили его: *Не пиши: Царь Иудейский, но что Он говорил: Я Царь Иудейский. Пилат отвечал: что я написал, то написал* (Ин. 19, 21–22).

Получив такой ответ, злейшие враги Христовы хотели свою злобу и раздражение утолить злобными насмешками над распятым Иисусом. Они подходили ко кресту и говорили: *Других спасал, а Себя Самого не может спасти. Если Он Царь Израилев; пусть теперь сойдет с креста, и уверуем в Него. Уповал на Бога; пусть теперь избавит Его, если Он угоден Ему. Ибо Он сказал: Я Божий Сын* (Мф. 27, 42–43).

А толпа, темная толпа, всегда находящаяся под влиянием своих вождей, всегда подражающая им, подхватила эти издевательства – и проходили во множестве иудеи мимо креста, и повторяли издевательские слова первосвященников и книжников.

И грубые воины, распинавшие Иисуса, подражали им в насмешках.

Но вот что слышим мы – мы не верим ушам своим – мы слышим голос разбойника, распятого вместе с Иисусом: *«Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое»*.

О чудо! О необыкновенное, непостижимое чудо!

Когда все издевались, когда все злобствовали, тогда он, распятый вместе с Иисусом, исповедал Его Божественность, назвавши Господом, обратился к Нему с мольбой принять его в Царство Свое. И слышим ответ Богочеловека: *Истинно говорю тебе: ныне же будешь со Мною в раю* (Лк. 23, 42–43).

Что это, как объясним мы это поразительное происшествие, это исповедание Господа висящим на кресте?

Вряд ли своим слабым умом смогу я вам это объяснить.

Скажу только, что не знаем точно, кто был этот названный разбойник: был ли подлинным злодеем, разбойником, убивавшим на большой дороге людей и грабившим их, или совсем не так.

Не был ли это сообщник Вараввы, который устроил мятеж против римлян в Иерусалиме с большим пролитием крови незадолго до последних дней жизни Иисусовой?

Очень возможно, что это был именно сообщник Вараввы, и, если назван он разбойником, то потому, что люди привыкли считать разбойниками всех, поднимающих мятеж и творящих кровопролитие.

А так ли на самом деле?

Разве не знаете, что те, кто поднимает восстания, кто творит мятежи, часто бывают не злодеями, а людьми, проникнутыми желанием блага своему народу, пытающимися облегчить участь народа кровавым мятежом?

Это не разбойники и не злодеи – это люди в нравственном отношении нередко безупречные.

Не таков ли был этот покаявшийся разбойник?

Разве не могло быть, чтобы он, будучи на свободе, слышал проповедь Иисусову, был зрителем чудес Его и запомнил все это, ибо глубоко проникли слова проповеди Спасителя в сердце его.

И теперь, когда он увидел, что Иисус осужден, как он сам, на смерть, теперь содрогнулось сердце его, и незримый свет, исходивший от распятого на кресте Иисуса, Божественный свет проник в его сердце, внезапно озарил его, горячей верой внезапно наполнил сердце его.

Не этим ли объясним мы это внезапное, это поразительное обращение разбойника, эти изумительные слова: *Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое*.

О, какой пример для нас, знающих из Евангелия все, что творил Иисус, все, чему учил Он, свет души Которого изливается беспрестанным потоком в сердца наши со страниц Евангелия.

Мы, озаряемые этим светом, неужели не воскликнем вместе с разбойником: *Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое!*

Совершенно великое дело покаяния разбойника, обещано ему Царствие Божие в тот же день, прощены все грехи его за одно это полное веры и любви слово.

Умолкли слова разбойника, умолк и ответ Иисусов.

Мало-помалу стали затихать и те издевательства над Христом, в которых изливали свою злобу враги Его.

Медленно, медленно, с ужасной, невыносимой медленностью текли страшные часы страданий Христовых...

Он мучился. Он терзался. Он терпел невыносимые муки... Но все терпел...

Идут, идут медленно часы...

Вот уже и шестой час, и вот «настала тьма по всей земле».

Что значит по всей земле? Писатели того времени не знали, конечно, иных мест, иной земли, кроме своей Палестины и сопредельных с нею стран империи Римской.

Это была дня них вся земля.

Имеются несомненные и достоверные известия древних римских историков, что в этот именно день и час *настала тьма по всей земле и продолжалась до часа девятого* (Мк. 15, 33).

Какого происхождения тьма эта? Можно ли думать, что это было солнечное затмение? Нет, никак, никак нельзя: это было в день полнолуния, а в дни полнолуний невозможно затмение. Оно бывает тогда, когда невидима луна с земли. Тьма солнечного затмения наступает на земле тогда, когда луна стоит между солнцем и землей и бросает на нее тень свою.

Что же была это за тьма?

Это была чудесная тьма, Богом посланная на грешную землю; тьма, подобная той тьме египетской, которая была одной из десяти казней, посланных фараону и народу его.

Это было одно из чудес Божьих. Иисус мучился, а близкие люди, стоявшие доселе вдали и с ужасом взиравшие на распятие, пользуясь тьмой, пользуясь смущением, охватившим врагов Иисусовых, стали приближаться ко кресту.

И стояла у самого креста Пречистая и Пресвятая Матерь Его, над Которой в этот час сбылось страшное предсказание Симеона Богоприимца в день Сретения: как меч обоюдоострый, страшное горе пронзило сердце Марии.

Она молчала, и Ее молчание несравненно глубже выражало Ее невыразимую скорбь, чем крики, вопли и стенания.

Стояли с Ней сестра Ее Мария, жена Клеопы, Мария Магдалина и любимый ученик Христов Иоанн.

И вот новое излияние любви Спасителя, Его благодарной заботы о Своей несчастной Матери. Обратя взор Свой к Ней, он сказал, взором указывая в другую сторону на Иоанна: *«Жено, се, сын Твой»*, а обратившись к Иоанну: *«Се, Матерь твоя»*. И с этого времени ученик сей взял Ее к себе (Ин. 19, 26–27).

Сколько любви, о, сколько заботы и нежности в час самых невыносимых страданий, уже близившихся к концу.

Страшные часы идут... Вот уже восьмой, вот и страшный девятый час...

И иссякают уже силы Иисуса...

Жгучая жажда иссушила уста Его и гортань, и воскликнул Он: *«Жажду!»*

И нашелся среди грубых воинов человек, который пожалел Его, вонзил на трость губку, напоенную водой с уксусом, и поднес к устам Иисусовым. Утолил жажду Иисус, но страдания Его достигли уже невыносимой степени.

И услышал народ страшные слова из уст Его: *Элои! Элои! ламма савахфани?* – что значит: *Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?* (Мк. 15, 34).

Смущают некоторых эти слова: как это, почему оставил, почему не облегчил страдания Его?

А мы что скажем в объяснение этого недоумения? Так надлежало быть: Бог Отец не мог и не должен был облегчить Его страдания, ибо Он страдал за грехи всех людей, ибо на Нем висели и давили Его, как горы Памира, страшной тяжестью своей грехи всего мира.

Он должен был Сам Своими страданиями искупить все эти грехи, должен был стереть главу древнего змия диавола.

А для этого нужно было, чтобы исполнилось страшное пророчество великого Исаии: *Наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились* (Ис. 53, 5).

Это наказание за грехи наши, именно поэтому, потому что бесчисленны грехи людей, грехи всего человечества, было так страшно наказание мира нашего на Нем.

Жил в III веке священномученик Киприан, епископ Карфагенский, и вот что он сказал в объяснение этих слов Иисусовых: *«Для чего оставлен Господь? Дабы нам не быть оставленными Богом; оставлен для искупления нас от грехов и вечной смерти; оставлен для пока-*

зания величайшей любви к роду человеческому; оставлен для доказательства правосудия и милосердия Божия; для привлечения нашего сердца к Нему, для примера всем страдальцам».

Чтобы нас не оставил Бог, если не снимет Христос с нас, грешных, наши грехи... Для привлечения наших сердец к Нему.

И привлек Он все сердца...

Неужели же останется хоть одно холодное сердце? Нет, нет, не может быть! Полны все сердца наши горячей любовью ко Христу Спасителю.

Настал страшный момент – момент смерти Иисусовой.

Из груди Богочеловека, страдавшего за весь мир, раздался глагол, который должен был потрясти весь мир, который потрясает и доселе весь мир христианский: *Совершилось...*

Свершилось великое дело искупления рода человеческого, и содрогнулась земля, вздрогнули, вздрогнули горы, расселись камни и скалы, и завеса в храме Иерусалимском раздралась надвое – с верхнего края до нижнего.

Сотник, командовавший казнью, и воины, исполнявшие ее, видя сие бывшее, содрогнулись, ужаснулись.

И уверовал сотник во Христа, восклицая: *Истинно Человек Сей был сын Божий* (Мк. 15, 39).

И принял он крещение во Имя Христово, и кончил свою жизнь мученической смертью, ибо не потерпели враги Иисусовы, книжники, первосвященники и фарисеи того, что сотник римский обратился ко Христу, наклеветали на него Пилату, и он отдал приказ отрубить сотнику голову.

О ты, блаженный мученик Лонгин, научи и нас воскликнуть, глядя на крест: *Истинно Человек Сей был Сын Божий!*

Святитель Иоанн Златоуст

Беседа 87 (Толкование на святого Матфея Евангелиста)

*Тогда воины правителя, взяв Иисуса в преторию, собрали на Него весь полк и, раздев Его, надели на Него багряницу; и, сплетиши венец из терна, возложили Ему на голову и дали Ему в правую руку трость; и, становясь пред Ним на колени, насмехались над Ним, говоря: радуйся, Царь Иудейский!
(Мф. 27, 27–29).*

1. Как будто по какому уговору ликовал тогда со всеми дьявол. Пусть, в самом деле, ругались над Христом иудеи, истаеая от зависти и ненависти; но каким образом и почему воины делали это? Не явно ли, что дьявол тогда со всеми пиршествовал? До того они были жестоки и неукротимы, что из оскорблений, наносимых Христу, делали себе удовольствие. Им надлежало удержаться от этого, надлежало плакать по примеру народа; но они не делали этого, а напротив, оскорбляли Его, нападали на Него нагло, может быть, желая тем угодить иудеям, или делая это только по своему злонравию. И оскорбления были различные и многообразные. Эту божественную главу то заушали, то уязвляли терновым венцем, то били тростью люди скверные и нечистые. Какой после этого мы дадим ответ, – мы, которые гневаемся за каждую обиду нам наносимую, тогда как Христос претерпел такие страдания? А то, что совершали с Ним, было крайнею степенью поругания. Не часть одна, а все тело терпело страдания: глава – от венца, трости и ударов, лицо – от заплеваний, ланиты – от заушений, все тело – от бичевания, одеяния хламидою и притворного поклонения, рука – от трости, которую дали держать Ему вместо скипетра, уста – от поднесения укуса. Что может быть тяжелее этого? Что обиднее? Поистине, происходившее превосходит всякое описание. Как бы боясь, чтобы не опустить какой-либо наглости, они, убивавшие пророков своими руками, Христа умерщвляют по определению судии. Они все делают: и убивают своими руками, и судят, и осуждают, и на своем суде, и пред Пилатом, говоря: *кровь Его на нас и на детях наших* (Мф. 27, 25); нападают с неистовством, издеваются, связывают, отводят, делают виновниками оскорблений, нанесенных воинами, пригвождают ко кресту, поносят, оплевывают, насмехаются. Пилат здесь ничего не присоединял со своей стороны: они сами все делали, сами были и доносчиками, и судиями, и палачами, и всем. И это у нас прочитывается при всеобщем собрании. Чтобы не сказали нам язычники: вы показываете народу только блистательное и славное, например – знамения и чудеса, а позорное скрываете, благодать святого Духа так устроила, что все это прочитывается у нас во всенародный праздник, именно в великий вечер Пасхи, когда мужи и жены предстоят в большом множестве; когда стекается целая вселенная, тогда и проповедуется это громким голосом. И несмотря на то, что это читается и сообщается всем, мы веруем, что Христос есть Бог; и как по другим причинам, так и потому поклоняемся Ему, что Он благоволил до того низойти для нас, что претерпел такие страдания и научил нас всякой добродетели. Но и всегда должны мы читать это, потому что великая отсюда происходит прибыль, великая польза. В самом деле, когда ты видишь, как и на словах, и на деле насмехаются над Ним, с каким издевательством склоняются пред Ним, как тяжело заушают Его и заставляют терпеть крайние страдания, – то хотя бы ты был бесчувственным камнем, сделаешься мягче воска, и изринешь из сердца твоего всю надменность. Слушай же, что следует далее. После того, как насмеялись над Ним, *повели*

Его на распятие (Мф. 27, 31), и обнаживши Его, взяли себе одежды Его и, севши, выжидали, когда Он испустит дух. И разделили одежды Его, как это обыкновенно бывает с осужденными самого низкого рода, с отверженными, с незащитными и беспомощными; разделили те ризы, которые произвели столько чудес, и которые однако же не оказывали тогда никакого действия, так как Христос удерживал Свою неизреченную силу. И этот поступок составляет немаловажное прибавление к их сумасбродству: они, как я сказал, во всем поступали с Ним, как с бесчестным и презренным, как самым последним человеком. С разбойниками ничего подобного они не делали, а против Христа достало у них дерзости на все это. Его и распяли посреди их, чтобы Он разделил с ними их худую славу. *Дали Ему пить уксуса* (Мф. 24, 34), – и это с целью надругаться: *Он же не хотяше*. Другой же повествует, что, отведав, Он сказал: *совершилось* (Ин. 19, 30)! Что же значит это слово: *совершишиася*? Совершилось о Нем пророчество: *дали, говорит, мне в пищу желчь, и в жажде моей напоили меня уксусом* (Пс. 68, 22). Впрочем, и этот не показывает, что Он пил. Нет различия – отведать что-нибудь только и не пить: это означает одно и то же. Но и здесь еще не конец их неистовству. После того, как обнажили Его, распяли, подносили оцет, они идут еще далее: смотря на пригвожденного ко кресту, поносят и они сами, и мимоходящие; и что было всего тяжелее, Он терпел страдания как бы льстец и обманщик, как гордый и пустой самохвал. Для того они и распяли Его всенародно, чтобы в глазах всех ругаться над Ним; для того распяли и руками воинов, чтобы под предлогом, что приговор произнесен в народном судилище, тем свободнее предаваться неистовству.

2. И кого бы не смягчил народ, последующий за Ним и рыдающий? Но только не этих зверей. Вот почему Он тех и удостоил ответа, а этих не удостоил. После того, как сделали все, что хотели, стараются опорочить и славу Его, страшась Его воскресения. С этою целью они всенародно говорят об этом, распинают с Ним разбойников, и желая огласить Его льстечом, говорят: *разрушающий храм и в три дня Созидающий! спаси Себя Самого; если Ты Сын Божий, сойди с креста* (Мф. 37, 40). Когда, тщетно просивши Пилата снять вину (а вина была написана такая: *царь Иудейский* – Ин. 19, 21–22), они не успели в намерении (он воспротивился им, сказав: *что я написал, то написал*), – тогда они уже ругательствами своими старались показать, что Он не царь, Поэтому они, кроме тех слов, говорили и следующие: *если Он Царь Израилев, пусть теперь сойдет с креста* (Мф. 27, 42); и еще: *других спасал, а Себя Самого не может спасти*, – и покушались таким образом омрачить и прежнее знамение Его. Также: *пусть теперь избавит Его, если Он угоден Ему. Ибо Он сказал: Я Божий Сын*. О, скверные и пренебрегающие! Что же: пророки разве не были пророками, или праведные – праведными, от того, что их Бог не избавил от напастей? Они оставались таковыми, хотя и претерпевали страдания. Что может сравняться с вашим безумием? Если их слава не омрачилась бедствиями, наведенными вами на них, но они остались пророками и при всех страданиях, которые терпели, то тем более не надлежало вам соблазняться о Христе, Который и делами, и словами искоренял в вас эту мысль. Впрочем, говоря и делая это, они ничего не успели даже в самое это время. Тот, который погибал в крайнем нечестии, который все время жизни своей провел в убийствах и грабежах, в то время, как говорено было это, исповедал Его и вспомнил о царствии; равно и народ плакал о Нем. Хотя неведущим строения тайны казалось, что все происходившее свидетельствовало о противном, – именно, что Он слаб и бессилен, – но истина и самыми противными обстоятельствами усилилась. Итак, слыша это, вооружимся против всякого возмущения сердечного, против всякого гнева. Если увидишь, что сердце твое возгорается, огради грудь твою крестным знамением: вспомни что-нибудь из случившегося тогда, – и этим воспоминанием ты рассеешь всякое возмущение духа, как прах. Помысли о словах, делах; помысли, что Он Владыка, а ты – раб. Он пострадал для тебя, а ты для себя; Он за облагодетельствованных Им и вместе распявших Его, а ты за себя самого; Он за причинявших Ему оскорбления, а ты часто

за обиженных тобою; Он – в глазах целого города, даже всего народа иудейского, в глазах пришельцев и соотечественников, которым Он изрекал человеколюбивые глаголы, а ты – в присутствии нескольких. А что всего обиднее, Он оставлен был и самими учениками. Те, которые прежде услуживали Ему, убежали от Него; а враги и противники – иудеи, воины, с обеих сторон разбойники, окружая Распятого, досаждали, укоряли, поносили, насмехались, хулили: и разбойники оба поносили и хулили Его. Но как же Лука говорит (23, 40), что один из разбойников поносил Его? И то, и другое было; сперва хулили оба, а после не так уже. Чтобы ты не подумал, будто бы это произошло по какому-то согласию, или что разбойник не был разбойником, – евангелист его ругательством доказывает тебе, что сперва на кресте был разбойник и враг, но внезапно изменился. Итак, о всем этом размышляя, подумай: что потерпел ты подобное тому, что понес Господь твой? Ты посрамлен публично? Но, конечно, не так. Ты наказан? Но, конечно, не по всему телу, и не столько обнажен и мучен. Если и заушали тебя, то опять не так.

3. Прибавь к этому: от кого, за что, когда? И что всего тяжелее, – на происходившее тогда никто не жаловался, никто не обнаруживал негодования; напротив все хвалили, все вместе смеялись и посрамляли, поносили Его как обманщика, самохвала и льстеца, который не может оправдать делами слов своих. Но Он совершенно молчал, подавая нам неоцененное лекарство – долготерпение. А мы, слушая это, не умеем быть терпеливыми даже и пред рабами своими, но пуще диких ослов скачем и бьем ногами; люты и бесчеловечны бываем против обижающих нас, а о том, что касается до Бога, заботимся мало. Таковы же остаемся и в отношении к друзьям: если кто обидит нас, никак не стерпим; если досадит кто, мы свирепствуем более зверей, мы, которые читаем это ежедневно. Один ученик предал, прочие, оставив Его, убежали; те, которые облагодетельствованы, плевали на Него; слуга архиереев заушал; воины били по щекам; мимоходящие насмехались и поносили; разбойники также укоряли; и Он никому не отвечал ни слова, но всех победил молчанием, самым делом научая тебя тому, что чем более ты будешь переносить все с кротостью, тем легче победишь несправедливо поступающих с тобою, и всех заставишь удивляться тебе. Кто, в самом деле, не подивится тому, кто с кротостью переносит обиды, наносимые со стороны дерзких поносителей. Подобно тому, как тот, кто хотя и законно страдает, но переносит бедствия с кротостью, многими считается за невинного страдальца, так, напротив, тот, кто страдает и невинно, но от нетерпения неистовствует, навлекает подозрение, будто он терпит достойное, и становится предметом смеха, как пленник, увлекаемый гневом, потерявший свое благородство. Такой человек недостоин называться и свободным; хотя бы управлял тысячами слуг. Но тебя кто-нибудь сильно раздражил? И что же в том? Теперь-то и надлежит показать свое любомудрие. Мы и зверей видим кроткими, когда их никто не раздражает; не всегда и они свирепствуют, а когда только кто раздражит их. Итак, если и мы только тогда остаемся спокойными, когда никто нас не раздражает, то чем мы превышаем зверей? Они не без причины часто мечутся, и могут быть извинены, так как ярятся оттого, что их раздражают и бьют; сверх того, у них нет рассудка и они от природы получили зверство. Но когда ты свирепствуешь и зверствуешь, скажи мне, в чем можешь найти себе извинение? Какое зло потерпел ты? Ограблен ли? Потому-то ты и должен перенести это, что тем самым приобретаешь большее. Обесславлен ли? Что же в этом? Ты сам от того не меньше стал, если ты рассудителен. Если же ты ничего не потерпел худого, то почему гневаешься на того, кто не только не причинил тебе зла, но принес еще и пользу? Те, которые уважают нас, усыпляют и разнеживают нас; напротив обижающие и презирающие делают более терпеливыми тех, которые внимательны к себе. Ленивые более терпят вреда, когда их уважают, нежели тогда, когда оскорбляют их. Оскорбляющие заставляют нас умудряться, когда мы бодрствуем над собою; а те, которые хвалят нас, умножают в нас надменность, возбуждают гордость, тщеславие, беспечность, и делают душу изнеженною и слабою. Это доказывают те отцы, кото-

рые не столько ласкают своих детей, сколько бранят, боясь, как бы они не потерпели вреда от снисхождения; то же средство употребляют и учителя. Поэтому, если кого следует отвращать, то именно льстецов, а не оскорбляющих нас: больше приносит вреда лесть, нежели обида. Ласкательство есть приманка для неосторожных, и от нее труднее предостеречься, нежели от той; да и больше за то награды, более славы. И подлинно, более достойно удивления видеть человека, которого оскорбляют и он не возмущается, чем такого, которого бьют, поражают, и он не падает. Но как возможно, скажешь ты, не возмущаться. Обидел ли кто тебя? Огради крестным знамением грудь; вспомни все, что происходило на кресте – и все погаснет. Не думай об одних обидах, но вспомни вместе и о добре, какое ты когда-нибудь получил от обидевшего; и тотчас станешь кротким. Особенно же и прежде всего приведи на мысль страх Божий, и вскоре сделаешься умерен и покоен.

Беседа 88 (Толкование на святого Матфея Евангелиста)

От шестого же часа тьма была по всей земле до часа девятого; а около девятого часа возопил Иисус громким голосом: Или, Или! лама савахфани? то есть: Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил? (Мф. 27, 45–46).

1. Вот то знамение, которое Он прежде обещал просившим! *Род лукавый и прелюбодейный*, – так говорил Он, – *ищет знамения; и знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка* (Мф. 12, 39; Лк. 11, 26), – то есть крест, смерть, гроб и воскресение. И опять, иным образом указывая на силу креста, говорил: *когда вознесете Сына Человеческого, тогда узнаете, что это Я* (Ин. 8, 28), – то есть, когда распнете Меня, и подумаете, что уже победили Меня, тогда-то особенно узнаете Мою силу. Действительно, после того как Он был распят, их город истреблен, иудейство кончилось, гражданское бытие и свобода их исчезли; напротив евангельская проповедь процвела и простерлась до пределов вселенной: земля и море, обитаемые и необитаемые страны, повсюду возвещают силу слова Христова. Итак, вот что говорит Он, и вот что случилось во время распятия на кресте! И это тем более удивительно, что случилось в то время, как Он пригвожден был ко кресту, а не тогда, когда ходил по земле. Но не это одно дивно; дивно то, что знамение, которого они искали, было и с неба, и явилось во всей вселенной, чего прежде никогда не случалось, разве только в Египте, когда надлежало совершить пасху, поскольку то было образом настоящих событий. Заметь и то, когда это происходит: в полдень, когда по всей вселенной был день, дабы знали все обитатели земли. Этого достаточно было, чтобы обратить их к истине, не только в виду величия чуда, но и в силу его благовременности. В самом деле, оно совершается уже после всех дел безумия их, после незаконного издевательства, когда они уже оставили свое неистовство, когда перестали насмехаться, когда насытились бесстыдными ругательствами, и высказали все, что хотели: только после всего этого показал Он тьму, чтобы по крайней мере теперь они укротили гнев свой, и извлекли себе пользу из чуда. Совершать такие знамения на кресте было гораздо удивительнее, нежели сойти с креста. Если они думали, что эти чудеса совершал Он, то необходимо надлежало верить и трепетать; а если думали, что не Он, но Отец, – и тогда им надлежало прийти в сокрушение, так как мрак этот свидетельствовал о том, что Отец прогневан был их преступлением. А что это не было затмение, а гнев и негодование, это видно, кроме того, и из самого времени: тьма продолжалась три часа. Затмение совершается в несколько минут, как это известно тем, кто наблюдал это явление; таково и в наше время случилось затмение. Отчего же, скажешь, не пришли в изумление все, и не признали Христа Богом? Оттого, что тогда род человеческий погружен был в беспечность и нечестие; чудо, это было одно, и едва явилось, вскоре окончилось; а ни у кого не было ревности изыскать причины его; явные беззакония находили себе извинение и в обычаях. Не хотели и знать, что за причина этого явления, а думали, что оно было следствием или затмения, или другой какой естественной причины. И что дивиться внешним, которые ничего не знали, и по своей великой беспечности не старались узнать причины события, когда жившие в самой Иудее, после стольких чудес, продолжали поносить Иисуса, хотя им явно было, что Он это сделал? Для того Он и говорит после этого чуда: *Или, Или, лама савахфани*, чтобы они знали, что Он еще жив, и что Он совершил его, и таким образом укротили бы свою ярость. Из этого они могли видеть, как Он даже до последнего издыхания чтит Отца, и не есть богопротивник. Он взывает пророческим голосом, свидетельствуя до последнего часа о истине ветхого завета, и не только пророческим, но и еврейским, чтобы им было понятно и внятно. Во всем этом

показывал Он Свое единомыслие с Отцом Своим. Но заметь и здесь их дерзость, необузданность и безумие. Они подумали, говорит евангелист, что Он зовет Илию, – и тотчас напоили Его уксусом. А другой, подошедши, пронзил копьем бок Его. Что может быть нечестивее этого, что звероподобнее? До того простерли свое неистовство, что и над бездыханными останками ругаются. Но смотри, как Он и их нечестие обращает к нашему спасению. За ударом истекли источники спасения нашего. *Иисус же, опять возопив громким голосом, испустил дух* (Мф. 27, 50). Вот то, о чем Он говорил: *Я Сам отдаю ее. Имею власть отдать ее и власть имею опять принять ее* (Ин. 10, 18). Для того Он и возопил, чтобы показать, что дело совершается по Его воле. Марк говорит: *Пилат удивился, что Он уже умер* (Мк. 15, 44), и что сотник особенно потому уверовал, что Иисус умер с знаменами власти. Голос этот раздрал завесу, отверз гробы и сделал храм пустым. И это учинил Он не для того, чтобы обесчестить храм (мог ли сделать это Тот, Кто говорил: *дома Отца Моего не делайте домом торговли* – Ин. 2, 16), но показывал этим, что они недостойны пребывания в нем; подобно тому как когда Он предал его и вавилонянам. Кроме того, настоящее событие было еще и предречением будущего запустения и перемены на лучшее и высшее и знаменем Его могущества.

2. Вместе с тем и в последовавших за тем событиях Христос показал Свою силу, именно в воскресении мертвых, в затмении света, в перемене стихий. Во время Елисея один мертвец, коснувшись мертвеца, воскрес. Теперь голос воздвиг мертвецов, тогда как тело пригвождено было ко кресту. Впрочем, первое было прообразом настоящих событий; для того оно и происходило, чтобы верили настоящему. И не только возбуждаются мертвые, но и камни расседаются, и земля трясется, чтобы познали, что Он мог и их и омрачить, и расторгнуть. Тот, Кто расторгнул камни и омрачил вселенную, тем более мог сделать то же над ними, если бы захотел. Но Он не восхотел этого; излив гнев Свой на стихии, Он желал спасти их кротостью. Но они не оставили своего неистовства. Такова зависть, такова ненависть: не легко укротить ее! И при всех таковых явлениях бесстыдство их было одинаково. Впоследствии же, когда, не смотря на то, что положена была печать на гробе, приставлена воинская стража, Он воскрес, и они услышали об этом от самих стражей, обольстили и других деньгами, и хотели скрыть свидетельство о воскресении. Итак, не удивляйся тому, что они и тогда так бесчестно поступали: так они раз навсегда расположились во всем поступать бесстыдно! Смотри только, сколько знамений Он сотворил, то на небе, то на земле, то в самом храме. Этим Он частью показывал Свое негодование, частью то, что и недоступное делается теперь доступным, и что небо отверзется и откроется истинное святое святых. Они говорили: *если Он Царь Израилев, пусть теперь сойдет с креста*; а Он показывает им, что Он есть Царь всей вселенной. Они говорили: *разрушающий храм и в три дня Созидающий*; а Он указывает, что их храм совершенно запустеет. Далее, они говорили: *других спасал, а Себя Самого не может спасти*. Он же, пребывая на кресте, с избытком показывает им Свою силу над телами рабов Своих. Подлинно, если великое дело выйти из гроба четверодневному Лазарю, то гораздо важнее всем давно усопшим внезапно явиться живыми, что было знамением будущего воскресения. *Многие, говорится, тела усопших святых воскресли и, выйдя из гробов по воскресении Его, вошли во святой град и явились многим* (Мф. 27, 52–53). Чтобы это событие не сочли призрачным, воскресшие являются многим в городе. Тогда и сотник прославил Бога, говоря: *воистину Он был Сын Божий* (Мф. 27, 54). Такова сила Распятого, что после таких насмешек и ругательств, и сотник, и народ пришли в умиление! Некоторые говорят, что этот сотник, укрепившись после того в вере, совершил мученический подвиг. *Там были также и смотрели издали многие женщины, которые следовали за Иисусом из Галилеи, служа Ему; между ними были Мария Магдалина и Мария, мать Иакова и Иосии, и мать сыновей Зеведеевых* (ст. 55, 56). На эти события взирают жены, особенно сострадаательные и сетующие. Смотри, каково их усердие! Они следовали за Ним, чтобы прислужи-

вать Ему, и не отлучались от Него даже среди опасностей. Потому они и видели все: видели, как Он возопил, как испустил дух, как камни расселись, и все прочее. И они первые видят Иисуса, этот, столь презираемый, пол первый наслаждается созерцанием благ. В этом особенно видно их и мужество. Ученики убежали, а эти жены присутствовали. Кто же они были? Мать Его, которую евангелист называет Иаковлевою, и прочие. Другой евангелист говорит, что и многие плакали об этом и били грудь свою. Это показывает, какова была жестокость иудеев. О чем другие воздыхали и плакали, над тем они смеялись, ни жалостью не трогались, ни страхом не укрощались. Все происходившее тогда было знамением великого гнева Божия; не просто знамением, но знамением ярости; все означало гнев чрезмерный, и тьма, и рассевшиеся камни, и разодранная пополам завеса, и землетрясение. Иосиф, *придя к Пилату, просил тела Иисусова* (ст. 58). Этот Иосиф – тот самый, который доселе скрывался; теперь, по смерти Христовой, он одушевился великим дерзновением. Он был не незаметный человек, но знаменитый и знатный, именно почтенный член синедриона. Отсюда особенно можно видеть его мужество. Он отваживался теперь на явную смерть, потому что возбуждал всеобщую против себя ненависть, когда обнаруживал свою любовь к Иисусу и дерзнул просить тело Его, и не прежде отступил, пока не получил его; дерзнул даже не только принять тело и погребсти честно, но и положить в своем новом гробе, чем показал и свою любовь, и мужество. И это случилось не без причины, но именно потому, чтобы не имели подозрения, будто вместо одного восстал другой. *Была же там Мария Магдалина и другая Мария, которые сидели против гроба* (Мф. 27, 61). Для чего они сидят здесь? Они ничего еще не знали о Нем должным образом, ничего не представляли великого и высокого. Потому принесли они и миро, и при гробе бодрствовали, чтобы, когда утишится неистовство иудеев, приступить и намастить Его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.